
ОГОНЁК
№ 23 ИЮНЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ОГОНЁК
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 23 (2344)
Основан 1 апреля 1923 года
3 ИЮНЯ 1972

Москва, Кремль. 29 мая 1972 года. Подписание совместного советско-американского документа.

Фото А. ПАХОМОВА.

СССР–США: ТРИУМФ РАЗУМА И ДОБРОЙ ВОЛИ

Н. ПАСТУХОВ, А. САЗОНОВ,
специальные корреспонденты журнала «Огонек»

Москва, Кремль. 26 мая 1972 года. Подписание советско-американских соглашений.

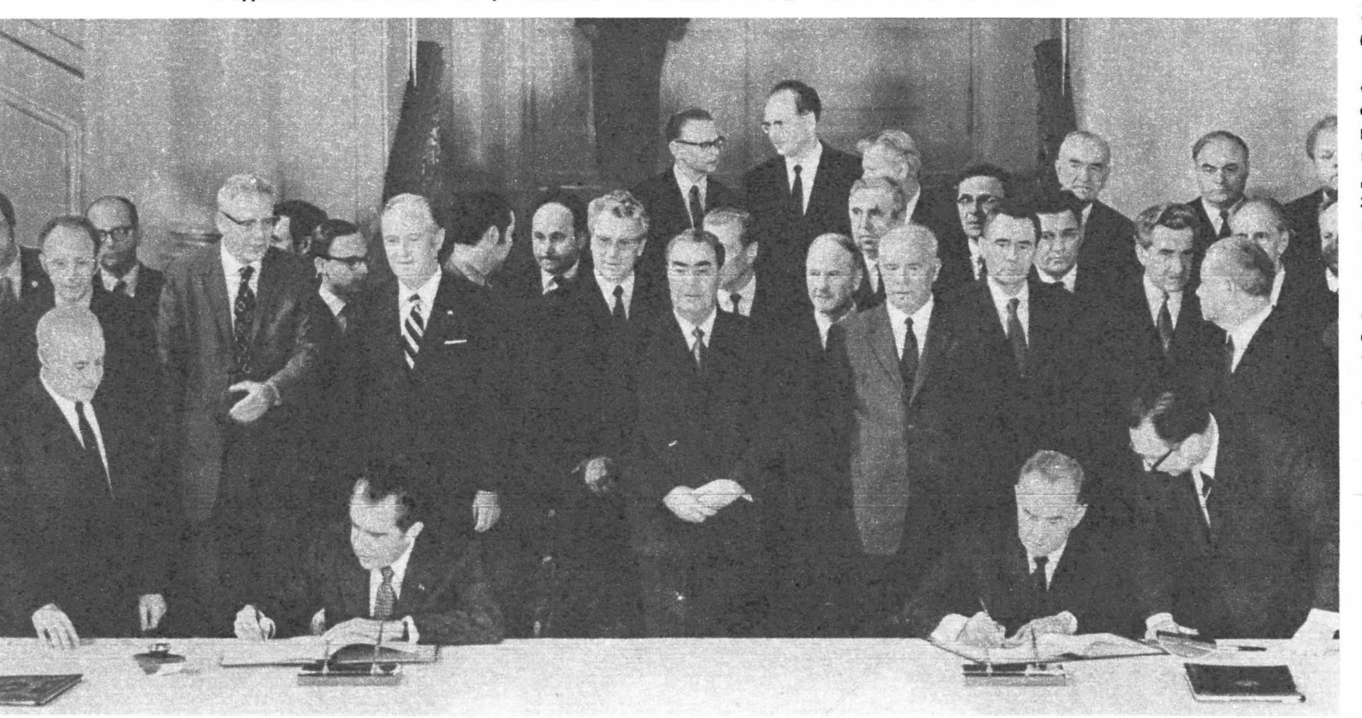
Снимки Фотохроники ТАСС и А. ПАХОМОВА.

Москва, Кремль. 23 мая 1972 года. Подписание советско-американских соглашений.

СССР-США: ТРИУМФ РА

Подписание советско-американских соглашений в Кремле 24 мая 1972 года.

Прошедшая неделя советско-американского диалога на высшем уровне, плодотворные итоги этого диалога, несомненно, войдут в историю человечества как выдающееся событие, которое окажет самое благотворное влияние на весь последующий ход развития международных отношений. Итоги советско-американских переговоров знаменуют собой торжество ленинской политики мирного сосуществования, эффективность и жизненную целесообразность советской Программы мира, выработанной XXIV съездом КПСС.

События этой недели развивались с молниеносной быстротой. О них из Москвы вещал миру Международный пресс-центр. Первые «брифинги» — встречи с корреспондентами руководителя пресс-центра Леонида Замятина и секретаря Белого дома по вопросам печати Рональда Зиглера — носили острый характер. Многие американские журналисты, зараженные духом прошлого, духом «холодной войны», в первые дни диалога не понимали, что именно в те минуты московские переговоры зажигали свет завтрашнего дня международных отношений. Сейчас они вынуждены взглянуть на мир новыми глазами.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Президент США Р. Никсон подписали важный документ «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки». Этот документ заложил двенадцать принципов, в соответствии с которыми будут развиваться отношения между нашими странами в духе лучшего взаимопонимания и сотрудничества, отношения, которые ни в коей мере не будут нарушать интересы третьих стран.

Что же ныне ложится в основу двусторонних советско-американских отношений? Мирное сосуществование; предотвращение возникновения ядерной войны; дух переговоров; отказ от применения силы или угрозы ее применения; действия в интересах того, чтобы все страны жили в условиях мира и безопасности, не подвергались вмешательству извне в их внутренние дела; претворение в жизнь заключенных между СССР и США договоров и соглашений; развитие продуктивных контактов между представителями законодательных органов двух стран; ограничение вооружений, особенно стратегических; развитие торгово-экономических связей, научно-технического и культурного сотрудничества; СССР и США будут стремиться к тому, чтобы связи и сотрудничество во всех областях, представляющих для них взаимный интерес, строились на прочной и долговременной основе; признание суверенного равенства всех государств.

Уже в тот момент, когда эти основные положения двусторонних отношений вырабатывались руководителями СССР и США и еще не

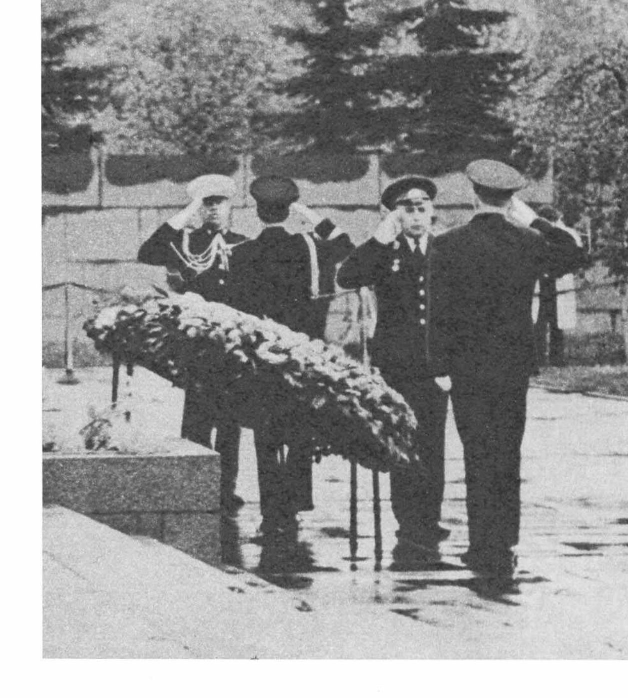
Л. И. Брежнев и Ричард М. Никсон обмениваются совместными советско-американскими документами после их подписания. Это — соглашения по вопросам ограничения стратегических вооружений.

ЗУМА И ДОБРОЙ ВОЛИ

Отъезд из Москвы Президента США Р. Никсона. Проводы на Внуковском аэродроме.

Москва. 24 мая Президент США Р. Никсон возложил венок к могиле Неизвестного солдата.

были известны миру, московский корреспондент газеты «Вашингтон пост» Р. Кайзер передавал из пресс-центра: «Отсюда громко, ясно и непрерывно подается сигнал: Советский Союз хочет дела — ограничения вооружений, расширения торговли, движения к разрядке в Европе, сотрудничества в исследовании космоса, в области здравоохранения, в охране окружающей среды».

Что ж, надо отдать должное Р. Кайзеру, который уловил главное в московских переговорах. Наши страны заключили важные соглашения, которые трудно переоценить.

26 мая Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев и Президент США Р. Никсон подписали в Кремле договор между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны и временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений. В предшествующие дни Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и Президент США Р. Никсон подписали соглашение между СССР и США о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях; Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный и Президент США Р. Никсон скрепили своими подписями соглашение между правительствами СССР и США о сотрудничестве в области охраны окружающей среды. Между правительствами СССР и США также были подписаны соглашения о советско-американском сотрудничестве в области медицинской науки и здравоохранения, о сотрудничестве в области науки и техники, о предотвращении инцидентов в открытом море и в воздушном пространстве над ним. Стороны обменялись мнениями по вопросам торгово-экономических отношений между СССР и США и договорились об учреждении советско-американской комиссии по торговым вопросам.

За этими скупыми строками лежит огромное поле будущей деятельности, которая прежде всего служит интересам людей, будет способствовать дальнейшему научно-техническому прогрессу во имя всего человечества. Вместе с тем, последовательно осуществляя ленинскую политику мирного сосуществования, Коммунистическая партия Советского Союза ни на шаг не отступает от своих идейных принципов, незыблемых принципов марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма.

Президент США Ричард М. Никсон с супругой находился в СССР с 22 по 30 мая. Помимо Москвы, он посетил Ленинград и Киев. Его переговоры в Москве с Л. И. Брежневым, Н. В. Подгорным и А. Н. Косыгиным охватывали широкий круг вопросов, представляющих взаимный интерес. Обе стороны выразили удовлетворение состоявшимися переговорами и беседами, результаты которых отражены в опубликованных документах, в том числе в совместном советско-американском коммюнике.

Итоги московских переговоров вызвали широкий отклик во всех концах земного шара и оцениваются как событие, имеющее поистине историческое значение. Они получили одобрение и поддержку советского народа, братских стран социализма, коммунистических и рабочих партий, всех, кому дороги интересы всеобщего мира на нашей планете.

«Достигнутые соглашения,— пишет в передовой статье газета «Правда»,— плодотворный результат ленинской политики мира, с величайшей настойчивостью и последовательностью проводимой КПСС. Это большая победа нашей партии, всего советского народа в деле разрядки международной напряженности, победа всех миролюбивых народов, для которых мир и безопасность являются общей целью».

«Победил реализм, победил здравый рассудок» — такими словами оценил существо подписанных в Москве советско-американских соглашений заместитель Председателя Государственного Совета ПНР Ю. Озга-Михальский. В беседе с корреспондентом ТАСС он заявил, что эти соглашения играют решающую роль не только для развития двусторонних советско-американских отношений, но и для разрядки напряженности во всем мире.

Переговоры, мирное решение существующих проблем — именно такой курс осуществляет Советский Союз, а вместе с ним и другие социалистические страны, подчеркивает чехословацкая газета «Руде право». Этот курс служит делу социализма, его гуманистическим идеалам, всему миролюбивому человечеству.

«Сам факт проведения советско-американских переговоров в верхах представляет собой позитивное явление. Диалог, начатый между двумя великими державами, может создать благоприятную обстановку в мире, которая будет способствовать смягчению международной напряженности»,— заявил министр иностранных дел Египта Мурад Галеб, комментируя московские переговоры.

Индийская газета «Нэшнл геральд» пишет, что переговоры в Москве открывают «новую эру мира и безопасности на нашей планете». Газета придает особое значение советско-американскому Временному соглашению о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений, расценивая этот документ как важный вклад в дело сохранения мира во всем мире. Это соглашение, указывает она, «отвечает не только интересам Советского Союза и США, но и интересам обеспечения международной безопасности».

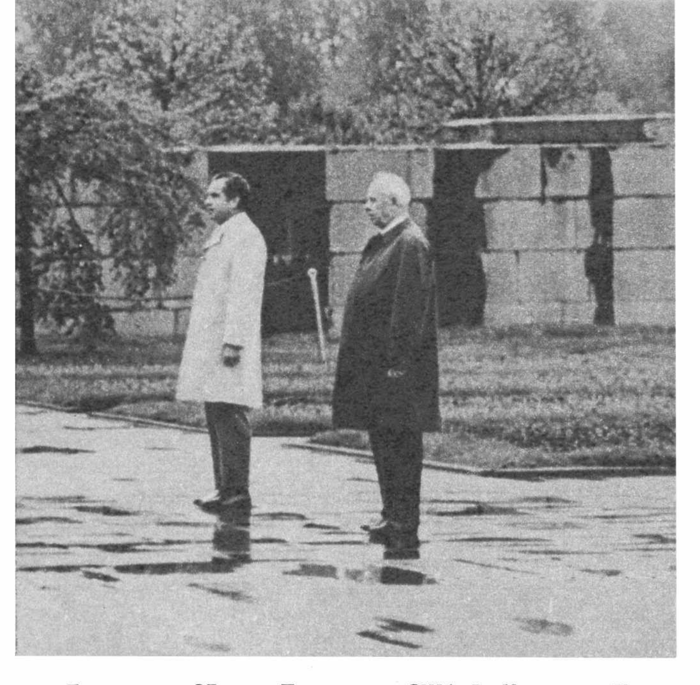
Боннская газета «Вестфалише рундшау» подчеркивает, что «сделан важный шаг к разоружению во всем мире. В Москве заключено одно из самых важных соглашений в послевоенной истории». «Хороший итог в Москве» — под таким заголовком официальный орган ав-

Москва. 26 мая Патриция Никсон — супруга Президента США Р. Никсона — посетила Второй Московский часовой завод.

Москва. 25 мая супруга Президента США Патриция Никсон посетила Московское академическое хореографическое училище. На снимке: директор училища С. Н. Головкина и юные балерины и танцовщики встречают гостью.

Ленинград. 27 мая Президент США Р. Никсон и Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный возложили венки на Пискаревском мемориальном кладбище к подножию монумента скорбящей матери-Родины.

стрийского правительства «Винер цайтунг» опубликовал комментарий о советско-американских переговорах в Москве.

Переговоры в Москве, отметил известный политический деятель США, губернатор штата Нью-Йорк Н. Рокфеллер, являются залогом того, что наши страны могут жить в условиях уменьшения напряженности в отношениях между нами. Сенатор-демократ Э. Кеннеди приветствовал подписанные в Москве советско-американские соглашения об ограничении стратегических вооружений. Он подчеркнул, что это «самый эффективный и значительный шаг в области разоружения».

Было бы иллюзией считать, что в мире не нашлось противников московских соглашений. Это прежде всего те круги, которые заинтересованы в продолжении гонки вооружений, в сохранении международной напряженности. Но они, и это сейчас очевидно всем, шагают с историей не в ногу...

В пресс-центре проходит последний «брифинг». Леонид Замятин оглашает текст, в котором отмечается, что подписанный совместный документ вместе с заключенными в ходе переговоров в Москве советско-американскими соглашениями создает, по твердому убеждению советских руководителей, базу для развития советско-американских отношений, для делового сотрудничества между двумя странами. В свою очередь, Рональд Зиглер заявил, что подписанный документ, как считает Президент Никсон, «создает прочную основу для дальнейшего развития американо-советских отношений».

Судя по вопросам, судя по отношению к этому последнему «брифингу» большинства иностранных журналистов, складывается твердое убеждение, что процесс трезвого переосмысливания современных международных отношений уже пустил корни.

Москва. Международный пресс-центр.

Москва. 24 мая супруга президента США Патриция Никсон посетила Государственный универсальный магазин (ГУМ). На снимке: Патриция Никсон примеряет русский платок.

ЗЕЛЕНЫЙ СВЕТ

Николай ПОЛЯНОВ

Матадоры «холодной войны» всплеснули руками и в ужасе молвили: «Это черная пятница!» То была третья пятница нынешнего мая, когда в Бонне завершился парламентский процесс ратификации договоров Федеративной Республики Германии с Советским Союзом и Польшей. Вслед за бундестагом договоры одобрила и западногерманская палата земель — бундесрат.

Разочарование и смятение на крайнем правом фланге не были наигранными. Сколько надежд на новые вспышки напряженности в Европе погибло в урнах для голосования в бундестаге и бундесрате! Сколько иллюзий господ Штрауса, Шредера и других растаяло под жаркими лучами юпитеров, когда председатели палат объявили, что договоры утверждены! И сколько годами скопленного яда еще будет выдавлено по каплям и размазано по страницам реакционной прессы, чтобы и дальше сбивать с панталыку и без того растерянного обывателя.

В бурных схватках, которые не один месяц разыгрывались на западной авансцене, в открытую скрестили клинки сторонники и противники реализма в европейской политике. По одну сторону барьера встали те, кто готов был подвести черту под прошлым и принять Европу семидесятых годов такой, какова она есть. По другую сторону — те, кто хотел толкнуть Европу назад, в водоворот «холодной войны». Первые взяли верх над вторыми. Благоразумие на сей раз победило безрассудство. И хотя на трудном пути от Европы конфронтации к Европе безопасности не приходится рассчитывать на какой-то самотек или автоматизм — за безопасность надо энергично бороться,— шаг вперед сделан огромный.

Незримо открыта новая глава западногерманской истории. Почему? Отвечая на это, заглянем сперва в теперь уже далекий сорок девятый год. В ту пору была создана Федеративная республика. Ее творцы хотели видеть в ней трамплин для «большого прыжка» на Восток. И прежние канцлеры — от Аденауэра до Кизингера — возвели ломку европейских границ, родившихся в дыму и пламени войны, чуть ли не в ранг «божественной миссии». Теперь на этом поставлен крест. В Московском и Варшавском договорах закреплена нерушимость этих границ. Провозглашен отказ от применения силы при решении спорных проблем. Зажжен зеленый свет для претворения в жизнь многих важных начинаний — от четырехстороннего соглашения по Западному Берлину до форума европейских государств по проблемам безопасности и сотрудничества.

Кто выигрывает от этого? И западные немцы. И народы Советского Союза, Польши, других социалистических стран. И все европейцы. И, в сущности, весь мир. Кто проигрывает? Только упомянутые выше матадоры милитаризма и реванша, оплакивающие свою очередную «черную пятницу». Но ведь мы и хотим, чтобы они проиграли. И часы давно остановлены ходом событий. Они принадлежат прошлому, хотя способны и сегодня еще наломать немало дров. Будущего у них нет. Это о них вице-канцлер и министр иностранных дел Федеративной республики Вальтер Шеель сказал недавно, что они напоминают ему персонажей из греческой трагедии: «Прекрасно видят, что фальшивят, а все-таки продолжают фальшивить».

Конечно, прощаться с прошлым кое-кому не так уж легко. Кое-кто никак не может отвыкнуть от привычки хвататься за кобуру или ножны, едва лишь услышит слово «социализм». Кое-кто приходит чуть ли не в панику, изучая нынешнее европейское расписание: ратификация договоров, осуществление соглашения по Западному Берлину, ассамблея широкой общественности континента в Брюсселе, созыв общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству...

Жизнь берет свое. Поезд большой политики уже промчался мимо семафора, поднятого парламентским актом в Бонне. И уже стучит колесами на стыках нового перегона. Движение его никого не оставляет равнодушным. Американский публицист Биндер, приглядевшись к европейским переменам, пишет на страницах «Нью-Йорк таймс»: «Можно себе представить, что политически мыслящие европейцы на огромных пространствах от Атлантического океана до Уральских гор почувствовали большое облегчение при вести о том, что боннский парламент ратифицировал договоры, которые вызывают надежду на сотрудничество между Востоком и Западом».

Наверное, г-н Биндер правильно уловил чувства мыслящих европейцев. Жаль лишь, что он меньше внимания уделил их думам. А думают они о тех горизонтах, которые открыли перед Европой своими конструктивными инициативами Советский Союз и другие государства социалистического содружества. Думают о новых магистральных маршрутах, по которым шагать Старому Свету в семидесятые и восьмидесятые годы. Состоявшийся недавно в Москве Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза пришел к выводу, что последовательная внешняя политика нашей страны отвечает коренным интересам Советского Союза, мирового социализма, национально-освободительного движения, активно способствует утверждению принципов мирного сосуществования государств с различным социальным строем, отпору агрессивной политике империализма.

Пройдут годы, и люди вспомнят май 1972 года. Немногим более четверти века отделяют его от другого мая, когда в Европе умолкли пушки и народы салютовали знамени, взвившемуся над рейхстагом. С тех пор другой стала Европа, другим стал мир. Еще бушует пожар во вьетнамских джунглях. Еще темнеют грозовые тучи в небе Восточного Средиземноморья. Но соотношение сил на земном шаре уже таково, что отбросить мир назад, к прошлому, никому не дано. Зато есть все возможности с точностью выдержать мирное расписание в Европе и в иных частях света!

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИОСИПА БРОЗ ТИТО

БОРЕЦ И ПАТРИОТ

Исполнилось 80 лет со дня рождения выдающегося государственного и партийного руководителя Югославии, видного деятеля международного коммунистического и рабочего движения, Президента СФРЮ, Председателя Союза коммунистов Югославии товарища Иосипа Броз Тито.

Иосип Броз Тито родился в 1892 году в селе Кумровец (Хорватское Загорье) в крестьянской семье. После окончания начальной школы и двух классов гимназии он уходит на заработки, изучает слесарное дело, становится рабочим-металлистом. В 1910—1913 годах работает на различных предприятиях в Хорватии, Словении, Чехии, Германии и Австрии. В 1910 году он вступает в Социал-демократическую партию Хорватии и Славонии.

Осенью 1913 года И. Броз Тито был призван в австро-венгерскую армию. За антивоенную пропаганду он был арестован и отправлен на фронт. В 1915 году был ранен и попал в плен в Россию, где вел активную политическую работу среди военнопленных. В октябре 1917 года И. Броз Тито вступил в Красную гвардию, участвовал под Омском в сражении с белогвардейцами. До разгрома колчаковщины скрывался в окрестностях Омска, вместе с большевиками вел революционную работу среди крестьян.

Осенью 1920 года И. Броз Тито возвращается на родину, вступает в Коммунистическую партию Югославии и активно участвует в революционном рабочем движении. В 1928 году избирается секретарем Загребского горкома КПЮ. В том же году он был арестован и осужден на пять лет каторги. После выхода из тюрьмы в марте 1934 года вновь включается в нелегальную партийную работу. Был кооптирован в состав ЦК Компартии Югославии и Политбюро ЦК КПЮ.

В 1935—1936 годах И. Броз Тито находился в Москве, работал в Коминтерне, в составе делегации КПЮ участвовал в VII конгрессе Коминтерна. В конце 1936 года нелегально возвратился на родину, в 1937 году возглавил Компартию Югославии. На V конференции КПЮ (1940 г.) был избран Генеральным секретарем ЦК КПЮ, переизбран на этот пост на V съезде КПЮ в 1948 году. После преобразования партии в Союз коммунистов Югославии в 1952 году И. Броз Тито стал Генеральным секретарем СКЮ, а с октября 1966 года является Председателем СКЮ.

В годы второй мировой войны И. Броз Тито во главе КПЮ руководил героической борьбой народов Югославии против фашистских оккупантов, за свое национальное и социальное освобождение. Под его руководством Народно-освободительная армия и партизанские отряды Югославии внесли весомый вклад в общее дело победы над фашизмом. За выдающуюся роль в народно-освободительной борьбе, храбрость и мужество товарищу И. Броз Тито было присвоено звание маршала, он стал Народным Героем Югославии. Осенью 1944 года И. Броз Тито осуществлял взаимодействие югославской армии с советскими войсками в совместных боях за освобождение страны и ее столицы — Белграда. Он награжден советскими орденами «Победы» и Суворова I степени.

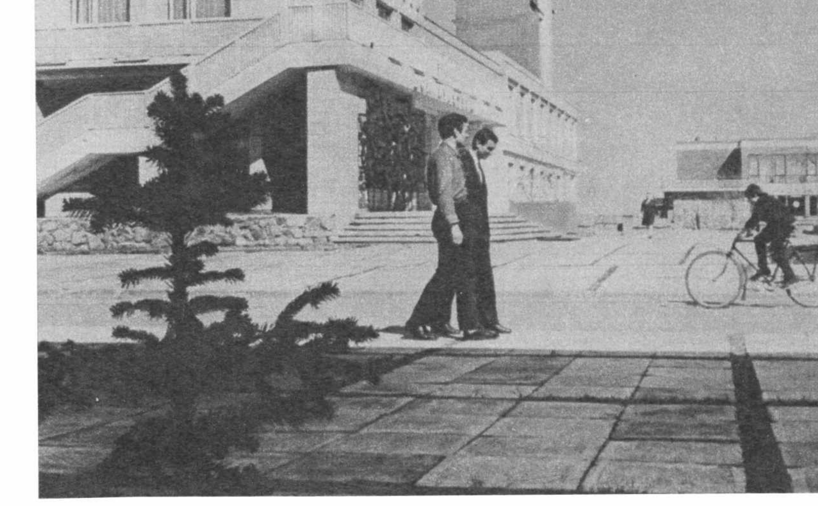
После войны И. Броз Тито, занимая высокие государственные и партийные посты, ведет большую работу по организации социалистического строительства в Югославии. С января 1953 года он является Президентом республики. В качестве Президента возглавляет Президиум СФРЮ и Совет Федерации, занимает пост Верховного Главнокомандующего Вооруженными силами страны.

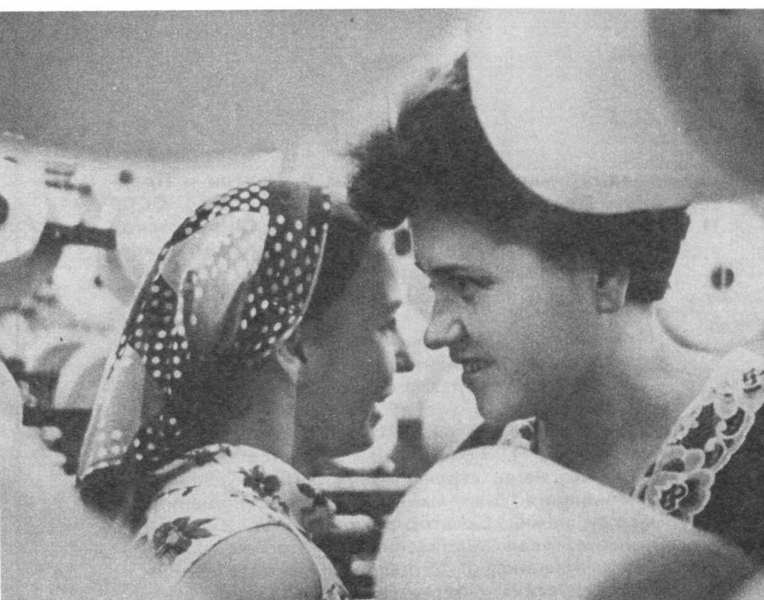
И. Броз Тито активно выступает за мир, за сплочение прогрессивных сил в борьбе против империализма и колониализма, за всестороннее развитие югославо-советских отношений, укрепление братской дружбы между народами СФРЮ и СССР.

В первой половине июня И. Броз Тито прибудет в Советский Союз с официальным дружественным визитом по приглашению ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР.

Отмечая его заслуги в совместной борьбе против фашизма, значительный вклад в развитие и укрепление братской дружбы и всесторонних отношений между народами Советского Союза и Югославии, активное участие в борьбе за мир и развитие международного сотрудничества и в связи с 80-летием со дня рождения Президиум Верховного Совета СССР наградил товарища Иосипа Броз Тито орденом Ленина.

Ю. ПЕТРОВ

ТОТ СЕН

А. ЩЕРБАКОВ

Фото Б. КУЗЬМИНА.

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

1939 год... Этот снимок был опубликован на обложке 24-го номера «Огонька» в памятные сентябрьские дни 1939 года: так встречали советских воинов на земле Западной Белоруссии.

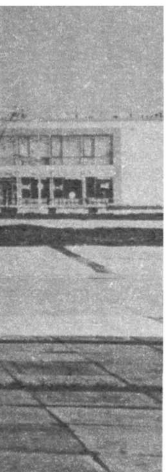
В том сентябре свершилось событие огромного значения: была восстановлена историческая справедливость — насильно отторгнутые от Советской страны Западная Белоруссия и Западная Украина были возвращены в семью Советского Союза. С тех пор прошло более тридцати лет. Сегодня наш собственный корреспондент по Белоруссии А. Щербаков ведет репортаж из города Гродно.

СОЮЗУ ССР — 50 ЛЕТ

Фотография — всегда минувшее. Хоть и недавнее, но прошлое. А воспоминания — всегда возвращение к людям, творящим историю. Вот и за этой фотографией тоже история.

...Гродненский краеведческий музей в бывшем замке. Толстые стены, холодная гулкость лестниц, загадочная массивность темных дверей. Сама история... Я пришел сюда, чтобы лучше, полнее ощутить связь далеких событий прошлого с сегодняшним днем Гродненщины. Почувствовать эту связь здесь, в музее, а потом за его стенами.

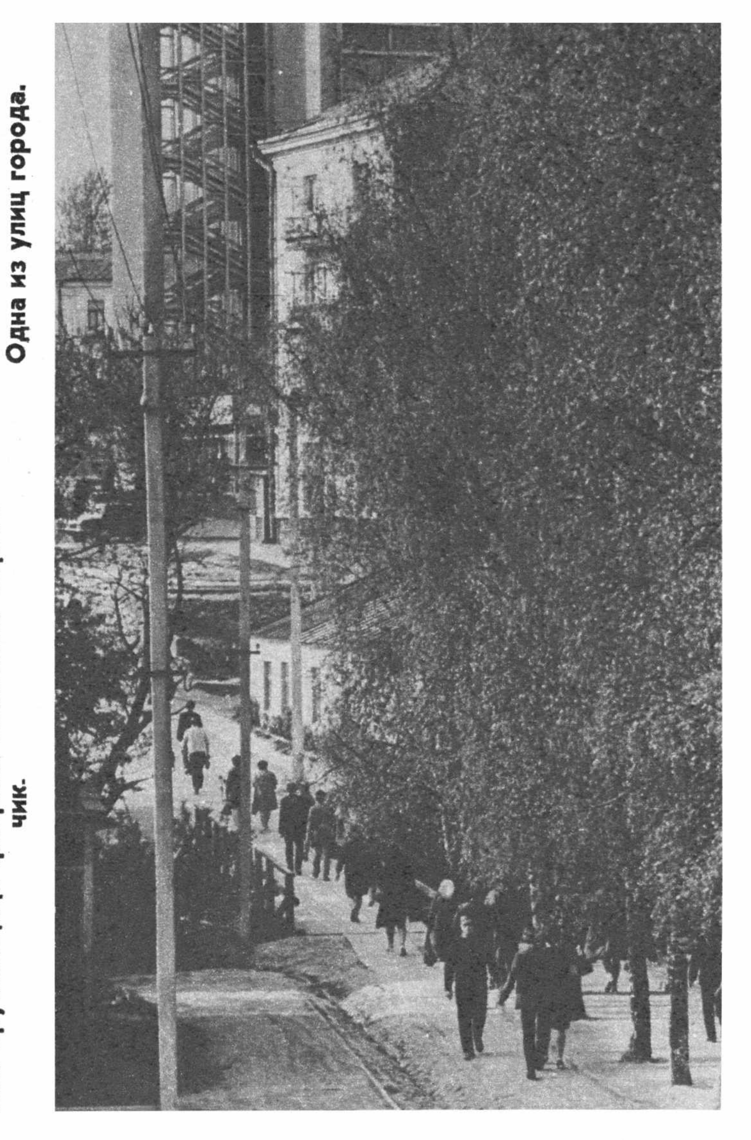
Начало двадцатых годов. Западная Белоруссия под белопольской властью. Рождаются Коммунистическая партия Западной Белоруссии, комсомол. Сергей Притыцкий, Адам Славинский, Павел Железнякович, Вера Хоружая... Какое мужество проявили они тогда, сколько народу подняли и повели за собой, воспламененные верой в то, что Гродненщина со вре-

На центральной усадьбе колхоза «Прогресс».

Разговор на важную тему: секретарь парткома Гродненской хлопкопрядильной фабрики Екатерина Жуковская и молодая коммунистка, лучшая крутильщица фабрики Валентина Сергейчик.

Одна из улиц города.

— Здравствуй, малыш!

Эстафета...

ТЯБРЬ ОБЕРНУЛСЯ МАЕМ

менем станет, не может не стать, частью свободной Советской Белоруссии! Пламенные листовки, копии следственных материалов, фотографии революционных выступлений — это все дорога к сентябрю 1939 года.

А вот и сам сентябрь, обернувшийся для западных районов Белоруссии маем и доказавший, что долгая и трудная борьба за воссоединение велась не зря. Жизнь стала меняться быстро, круто, во всех сферах. Прежде всего избавление от социального гнета, от нищеты, от темноты...

Одна из газет, выходивших в старой Польше, однажды с горькой иронией написала: «...В области изобретательства мы можем похвалиться орудием малоизвестным до настоящего времени в мире,— мы ввели в качестве достижения человечества машину для расщепления спички на четыре части...» Да, была спичка, расщепленная на четыре части, была и пара башмаков на кучу ребят; хлеб, где примесей куда больше, чем настоящей муки,— так складывался быт западных белорусов. В начале 1932 года в Гродно, по официальным данным, насчитывалось три тысячи безработных, в 1937 году более трех тысяч. В результате экономического кризиса в городе закрылись два лесопильных, два кожевенных и пивоваренный заводы. Душили налоги, высокая плата за медицинскую помощь; учеба для большинства детей белорусов была недоступна — дорого, да и учиться было почти не у кого: в 1925 году, например, было всего 115 учителей, а высшее образование среди них имели только семь человек.

...Экспонаты музея, относящиеся к первому периоду после воссоединения. Решения собраний народных представителей, первые депутатские мандаты рабочих, крестьян, первые свидетельства заботы Страны Советов о Западной Белоруссии. Только на реконструкцию промышленности Гродно государство сразу же выделило восемь миллионов рублей. Специалисты из разных районов СССР приехали сюда создавать современную индустрию, учить детей, преобразовывать сельское хозяйство. За один год выпуск продукции в Гродненской области удвоился! Самая примечательная среди перемен — это, пожалуй, открытие первого в Западной Белоруссии высшего учебного заведения, учительского института в Гродно. А еще... Еще появление детских садов и музыкальной школы, тысячи и тысячи рублей, истраченные на здравоохранение, строительство жилья для тех, кто прежде не смел и думать о «казенной» квартире с удобствами...

Потом сорок первый год, и снова борьба не на жизнь, а на смерть с фашистами. У народа, завоевавшего свободу, нельзя ее отнять. Подтверждение этой истины — многочисленные партизанские отряды на Гродненщине, подпольные организации в Лиде, Скиделе, в самом Гродно. В музее много фотографий патриотов, среди них такие, как Ольга Соломова — вожак Гродненского комсомольского подполья.

В сорок четвертом году освобожденная Гродненщина, как и вся Белоруссия, еще раз убедилась, насколько надежно содружество советских народов. В разоренные войной районы и Российская Федерация и другие республики присылали стройматериалы и скот, учебники и тракторы, оборудование для научных лабораторий, семена, лекарства, станки...

Ну, а теперь, наверное, стоит вернуться из музея на городские улицы, в промышленные районы. Тут такое богатство фактов, биографий, примеров, что их не вобрать никакому музею. В старом Гродно рабочего человека ни во что не ставили. Сейчас, когда называют прославленных горожан, первыми упоминают рабочих — помощника мастера тонкосуконного комбината Марию Абабкову, шофера Владимира Пискуна, строителя Ивана Салея. А за ними—гвардия химиков, текстильщиков, строителей, обувщиков.

В трех вузах Гродно преподают двенадцать докторов и более двухсот кандидатов наук. Город известен народным ансамблем «Неман», хорошим драматическим театром, спортсменами союзного класса.

— О нашем месте в советском обществе можно судить хотя бы вот по этому.— Секретарь горкома партии Адам Иванович Могильницкий протянул мне несколько листков. На них были перечислены города, присылавшие оборудование Гродненскому химкомбинату,— Москва и Ленинград, Оренбург и Подольск, Фрунзе и Чирчик, Запорожье, Пермь, Ташкент... А когда комбинат готовил себе кадры, двери для его практикантов открыли Новгород, Щекино, Северодонецк, Тольятти, Невинномысск, Кохтла-Ярве... Подобными примерами богата история хлопкопрядильной фабрики и завода карданных валов. В то же время продукция нашего химкомбината идет в РСФСР, на Украину, в Прибалтику, завод карданных валов связан почти со всеми автозаводами страны, едва ли не всюду встретишь изделия Гродненского завода торгового машиностроения.

...Тридцать с небольшим лет Западная Белоруссия в советской семье. Из них почти четыре отняла война. Значит, меньше чем за тридцать лет нужно было стать вровень со всей страной, уже создавшей могучую базу социализма. Это было сделано.

ПОБЕДНАЯ ПЕСНЯ ТРУДА

— Велика ответственность художника перед народом. Он должен показать людям красоту и историческую значимость сегодняшних дел и помыслов, рассказать «о времени и о себе» будущим поколениям.— Так начал беседу с нашим корреспондентом С. Калиничевым председатель Союза художников Украины Василий Захарович Бородай.

— О нашем героическом времени, о расцвете Украины в союзе республик-сестер рассказывает выставка, подготовленная нашими художниками к 50-летию образования СССР. Обширное помещение Центрального выставочного зала в Москве позволило довольно полно показать работы украинских живописцев, скульпторов, графиков, мастеров декоративно-прикладного искусства. Три года мы готовились к этому событию, обсуждали темы отдельных работ, тщательно отбирали все лучшее...

Первое, о чем со всей полнотой и яркостью свидетельствовала выставка и что позволяет сделать довольно оптимистический вывод на будущее,— это резко возросший уровень мастерства украинских художников. Верные принципам социалистического реализма, они помогают людям в борьбе за коммунистические идеалы, показывают красоту и историческую значимость этой борьбы, воспевают радость созидательного труда. Есть у художников Украины давняя традиция, ставшая ныне неписаным правилом. Еще в конце двадцатых годов, в самом начале сооружения Днепрогэса, на его строительную площадку выезжали и подолгу работали в самой гуще событий наши старейшие художники — Алексей Алексеевич Шовкуненко и Карп Демьянович Трохименко. В начале тридцатых годов своим человеком среди шахтеров Донбасса был один из патриархов украинской графики, Василий Ильич Касиян. Ныне же не так просто найти у нас на Украине художника, у которого не было бы своего места паломничества в республике — завода, шахты, колхоза, где этого художника хорошо знают. И это не кратковременные выезды на этюды в поисках «натуры и фактуры», а постоянное общение с коллективом, глубокое изучение характеров в их развитии, взаимодействии, пытливое проникновение в драматизм событий.

В двухмесячной творческой командировке на китобойной флотилии «Слава» был В. Чеканюк, а когда срок командировки истек, художник отказался вернуться с попутным танкером, остался работать рядовым матросом на самом трудном участке — разделке китовых туш. Народного художника Украины Г. Томенко хорошо знают в Богодуховском районе, Харьковской области. И хотя живет Григорий Алексеевич в Харькове, ему близки и понятны заботы хлеборобов. Постоянно общаясь с ними, живописец тонко проникает в психологию своих героев. Несколько киевских художников стали полноправными членами коллектива прославленного своими революционными и трудовыми традициями завода «Арсенал», другая группа вот уже несколько лет связана постоянным общением с коллективом завода «Большевик». И таким примерам нет числа.

Украинским художникам присуща широта взглядов, глубокий интерес к событиям, которыми живет вся страна, все прогрессивное человечество. Поэтому выставка, рассказывая образным языком искусства о духовной красоте советского народа, о своей республике, развитии ее науки, культуры, промышленности, вместе с тем отражала широкие интернациональные связи Украины. Немало километров исходил по многострадальной земле Вьетнама А. Данченко; Я. Мацеевская — глубокий знаток Крайнего Севера нашей страны; Г. Чернявский не один год работает над серией картин, где каждое полотно посвящено одной из пятнадцати советских республик.

Художники Украины поддерживают постоянные творческие связи с деятелями искусства всех братских республик. Это обогащает национальную культуру, воспитывает в людях масштабность взглядов, умение квалифицированно подходить к оценкам своих собственных успехов. Особенно тесные у нас контакты с художниками Москвы. В самые тяжелые годы Великой Отечественной войны, с осени 1941 и по декабрь 1943 года, наш Художественный институт представлял собой Украинское отделение Московского художественного института, находившегося тогда в Самарканде. Там защитили дипломы такие наши мастера, как В. Яценко, Г. Томенко, А. Ковалев и другие. Туда же после демобилизации по ранению пришли кавалеры ордена Славы Л. Чичкан, В. Пузырьков. Я мог бы назвать еще немало имен известных художников, которые считают себя учениками Игоря Грабаря, Сергея Герасимова и других замечательных русских мастеров.

За те месяцы, что предшествовали юбилейной выставке в Москве, мы организовали ряд выставок в братских республиках. Творческое взаимообогащение, дружеское обсуждение работ помогают развитию украинского искусства, национального по форме, социалистического по содержанию, глубоко интернационального по своему духу и масштабности поднимаемых тем.

Все эти черты нашего искусства мы старались сколь можно полнее отразить уже в самом построении экспозиции отчетной выставки, которую открывали произведения, посвященные основателю Советского государства, вождю всего прогрессивного человечества Владимиру Ильичу Ленину.

Монументально полотно М. Божия «Двадцатый век», где изображен шагающий по планете В. И. Ленин. Динамика движения, целеустремленность картины символизируют победную поступь ленинизма по странам и континентам. Образ Владимира Ильича запечатлен также в графическом цикле М. Туровского «В. И. Ленин», в скульптурном портрете И. Якунина и других работах.

И как логическое продолжение этой темы представали на выставке произведения, воскрешающие грозовые годы революционной борьбы, становления Советского государства, защиты социалистической Родины от иноземных захватчиков. Картина В. Токарева «Комиссар» остро передает напряжение первых лет революции. Суровы и строги лица красноармейцев. Молча слушают они пламенную речь комиссара, которая обращена к ним, а главное, к нам, зрителям. И даже если ты стоишь перед картиной один, хочется оглянуться, увидеть вокруг толпу, которая жадно ловит каждое слово, произнесенное комиссаром. Подчеркнутая декоративность холста, застывшие, напряженные позы красногвардейцев, их устремленные прямо перед собой взгляды, плотно сомкнутые губы подчеркивают динамику комиссарского жеста. Кажется, что все свои чувства, всю силу своих убеждений бойцы вложили в его уста.

Свое ви́дение той же темы предстает в картинах «Продотряд. (20-е годы)» А. Наседкина, «Патруль» В. Пузырькова и других. Полотно А. Турганского «Шаг века» в символически обобщенной форме повествует о первых годах становления Советской власти в стране.

Целый ряд картин посвящается советским людям, победившим фашизм в величайшей из войн. Перед нами разные аспекты темы: в лирическом плане решают ее Г. Васецкий и Л. Лабенок; в картинах В. Рыжих и В. Шаталина устанавливается связь времен, и художники показывают пути, которые избирают солдаты-победители в новой мирной жизни.

В основе картины Т. Яблонской «Безымянные высоты» — впечатления, навеянные поездками художницы на места боев за Днепр. Но тема картины шире. В ней философские раздумья о войне и мире, о родной земле, непобедимой и вечной, как народ. Глубина мысли, безукоризненное мастерство исполнения, отличающие это полотно, а также картину «Юность», делают их и одними из лучших на выставке и наиболее заметным и важным достижением украинского искусства последних лет.

Тематическая картина всегда была фундаментом украинской живописи, давая широкий простор художнику для серьезных обобщений, образного выражения драматических ситуаций, своего осмысления и трактовки важных событий отечественной истории.

На выставке было много работ, посвященных сегодняшнему дню Советской Украины. Свою тему для отражения современности нашел одессит А. Попов — «Корабль «Космонавт Комаров». Отображению жизни рабочего класса посвящены картины В. Хитрикова «Творчество», Г. Крыжевского «Докеры Ильичевска. Бригада Анатолия Карзюка», Л. Чичкана «Музыка». О современном колхозном селе рассказывают работы В. Одайника «Конопля. Колхозные будни», Я. Мацеевской «Колхозная весна», А. Сафаргалина «Доярки», В. Емца «Над вечерними лугами»... В каждой — свое поэтическое видение мира, ощущение богатой и счастливой жизни людей труда.

В скульптурной композиции Е. Бондаренко «Девчата-строители» изваяны только головы и плечи трех девушек. Но ощущение такое, будто они стоят во весь рост на головокружительной высоте. Фигуры девушек не покоятся на постаменте, а как бы встают из-за новой стены, поднимая вслед за собой этажи. Они смотрят на город и сами восхищены и удивлены созданием рук своих.

Интересны работы В. Клокова «Усть-Илим», В. Борисенко «Урожай». Богатством пластики, мастерским раскрытием характера своего героя отличаются работы М. Лысенко — портреты партизанского генерала П. П. Вершигоры и старого коммуниста А. Абеля. На высоком профессиональном уровне выполнены работы Г. Кальченко, И. Кавалеридзе, В. Сухенко, А. Фуженко, Н. Щербакова...

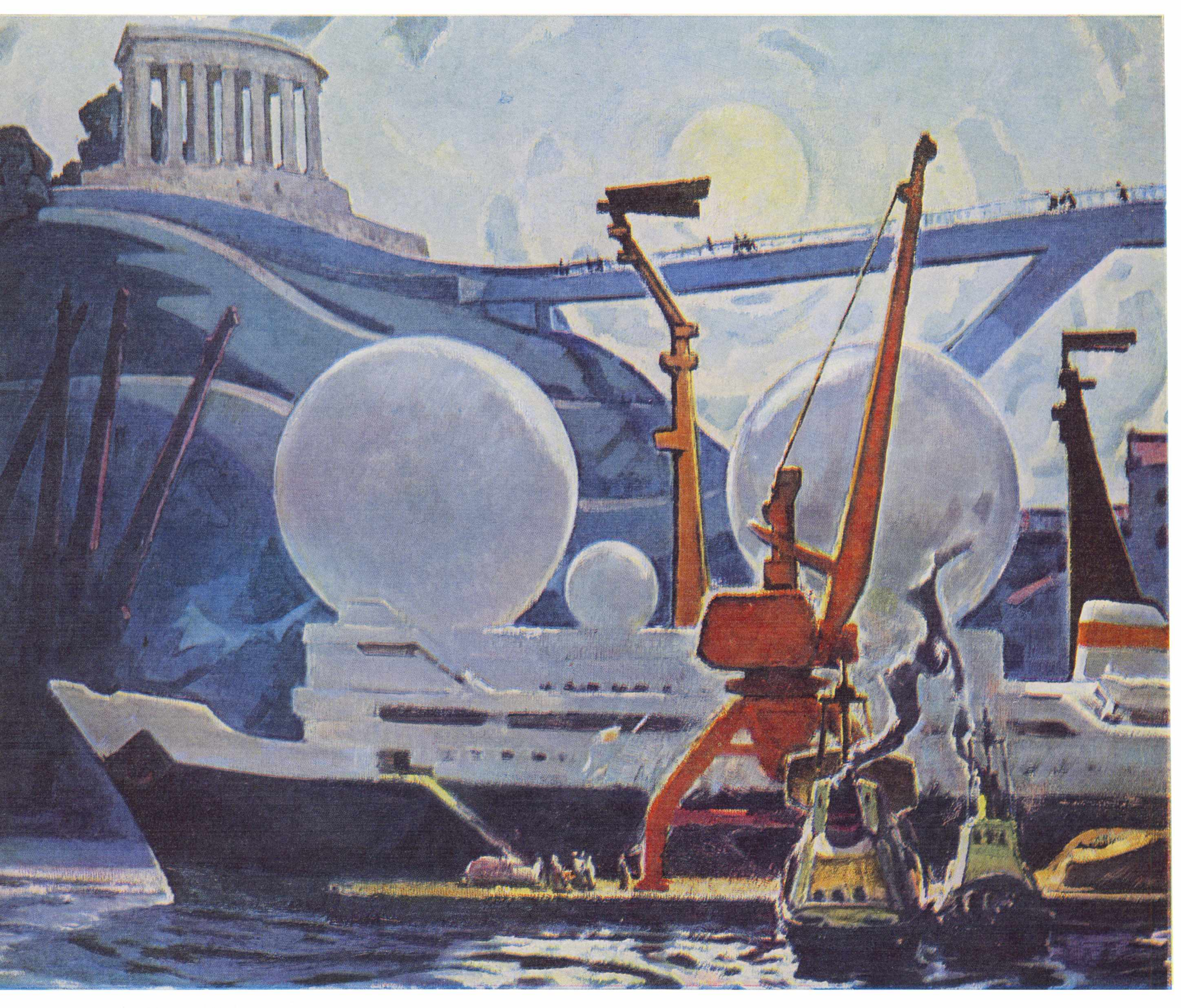
За последние годы на Украине вырос большой отряд молодых мастеров, зорких, внимательных, свежо воспринимающих многие события нашей действительности, продолжая и развивая лучшие черты украинского советского искусства — народность, партийность, эмоциональную лиричность. Молодежь активно ищет новые выразительные средства.

Благодаря общим творческим усилиям всего большого отряда украинских художников — и маститых и молодых — нынешняя выставка в столице нашей Родины Москве по своему уровню, творческим тенденциям, тематическому охвату стала достойным отчетом украинских художников к 50-летию Советского государства, важным этапом в развитии украинского искусства.

А. Турганский (Киев). ШАГ ВЕКА.

Выставка «Изобразительное искусство Украинской ССР».

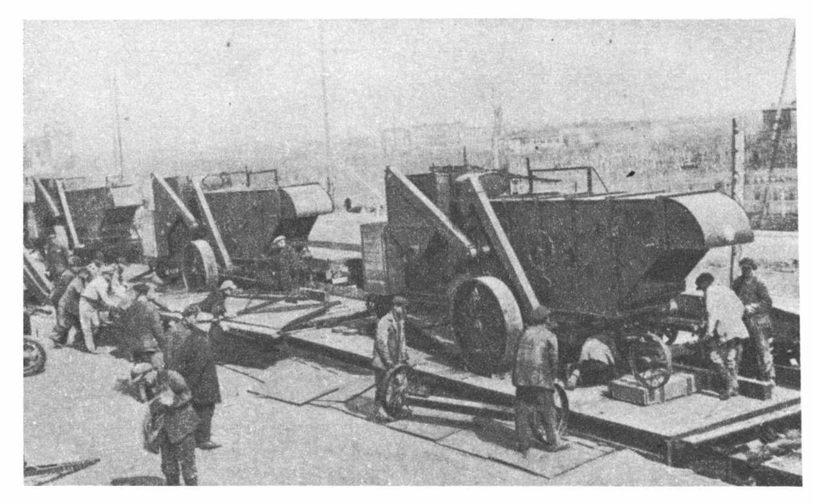

А. Попов (Одесса). КОРАБЛЬ «КОСМОНАВТ КОМАРОВ».

Выставка «Изобразительное искусство Украинской ССР».

А. СОФРОНОВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

1934-й год. На площадке Ростсельмаша идет погрузка комбайнов.

СОРОК ЛЕТ СПУСТЯ

I. НА РОСТСЕЛЬМАШЕ

Говорят, что время идет очень быстро, даже не идет, а летит. Возможно, это так. Но когда вспоминаешь, сколько событий оказались включенными в орбиту того или иного периода современной истории,— и каких событий! — то невольно начинаешь подумывать о том, что быстро-то быстро летит время, но не так чтобы уже и слишком быстро. Вот и сейчас возникла совсем словно бы не юбилейная дата, и, вероятно, нигде эту дату отмечать не будут, даже на том заводе, какому эта дата принадлежит. И все же как-то по-особому воспринимается этот день для тех, кто помнит, как утром 16 июля 1932 года буквально на руках выкатывали мы, рабочие цеха комбайнов завода Ростсельмаш, последний комбайн из первого государственного заказа, порученного одному из немногих первенцев первой пятилетки — Ростсельмашу.

Так вот и не ушло из памяти, несмотря на прошедшие четыре десятилетия, это летнее, чуть пасмурное, душное утро, когда мы после бессонной ночи в цехе, уже не имея ни малейшей возможности чем-либо помочь, чтобы преодолеть затор в отделе полотен, все равно оставались у своих станков и рабочих мест. А когда все было закончено и последний, **тысяча семисотый**, собран до последней гайки, мы подхватили его и с криком «Ура!» выкатили из нашего родного цеха комбайнов.

Сейчас я заглядываю в разные свои сочинения, написанные в те годы в разных жанрах, но вспомнить я все же хочу стихотворные строки, рожденные сорок лет назад:

...День простой, как и все
(солнце скрылось случайно),
Но денек этот нами
особенным сдан:
Мы последние планки
ввинтили в комбайны
И на много до срока
закончили план.
Ржавый пот на глазах
набегал торопливо.
И, казалось,
конвейер растаял в тумане.
Мы готовили в путь далекий,
счастливый
Неуклюжие наши,
родные комбайны.
...Сел седой бригадир
и паклей промасленной
Пот на лбу
рассеянно смазал
И вдруг вспомнил,
почувствовал ясно,
Что за сутки еще
не присел ни разу...
А со складов доносится
замечательным хором
Паровозная песня
с припевом ребят
И железное лязганье
длинных платформ,
На которых комбайны
становятся в ряд.

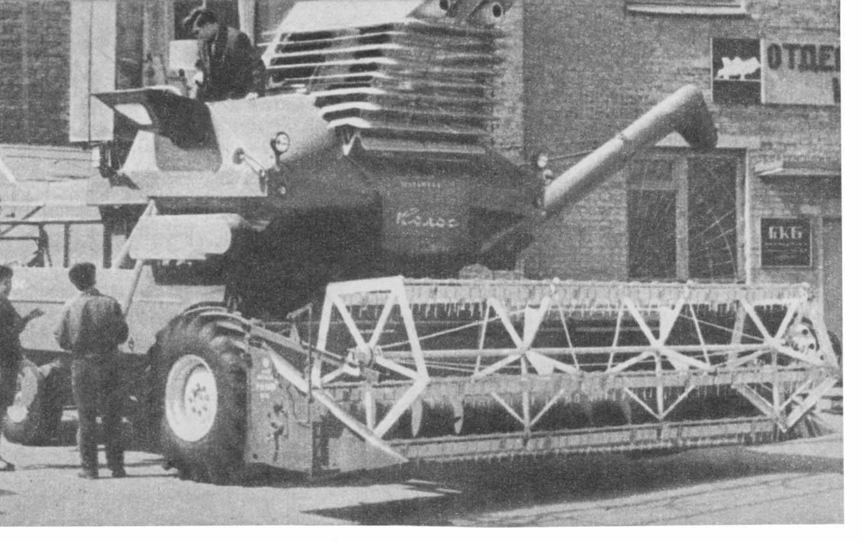
Да, вот так они становились на платформы сорок лет назад, впрочем, так же, как становятся и сейчас, в эти дни, чтобы отправиться с завода, что расположен неподалеку от тихого Дона, во все края и республики нашей Родины, да и не только на наши советские земли, но и далеко за их пределы. «Неуклюжие наши, родные комбайны». Читаю сейчас и думаю: как же я мог это написать? Оказывается, мог. Такими они и были тогда, на тракторной тяге, еще со множеством всяческих огрехов, но тем не менее, совпав с выпуском сталинградских тракторов, положившие начало революционной механизации сельского хозяйства. И не просто сельского хозяйства, но уже коллективизированного, прошедшего трудные и суровые годы ломки частнособственнической психологии.

Судьба разносит людей по белу свету. Так и многие из первых ростсельмашевцев покинули по разным причинам завод. А многих, очень многих уже нет в живых. Но те, кто жив, те помнят, любят и не порывают связи с Ростсельмашем. Поэтому и следишь за работой завода, беспокоишься о его удачах и неудачах.

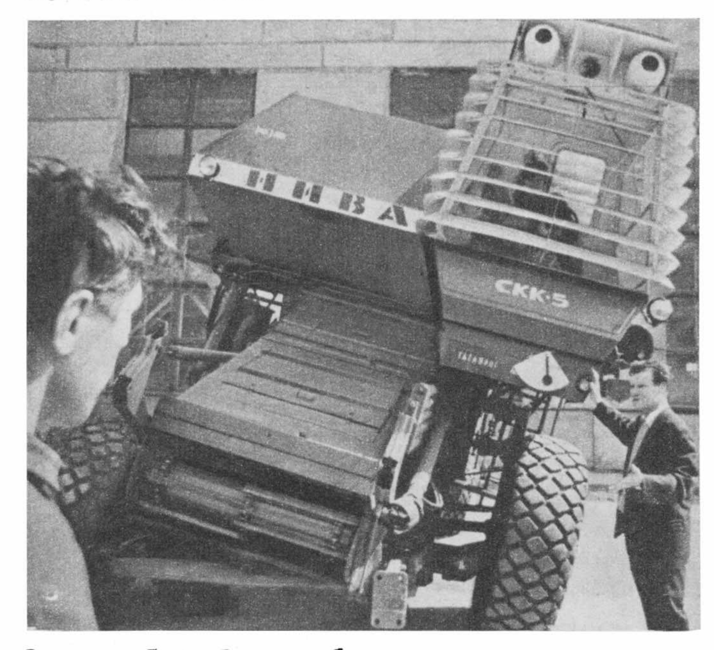
И как же можно быть спокойным, если тебе становится известным, что твой родной завод переживает, по существу, второе рождение, что строятся новые цеха и что вот-вот Ростсельмаш начнет выпускать новую машину СК-5, комбайн «Нива», призванный постепенно заменить доброго старого ветерана СК-4? Стареют люди, стареют и машины. Люди приходят на смену людям, машины — машинам.

Вот почему ты и оказываешься снова на заводе и вместе с секретарем парткома Михаилом Петровичем Бойко и главным инженером завода Леонидом Евгеньевичем Декамили шагаешь по огромной территории строительства новых цехов...

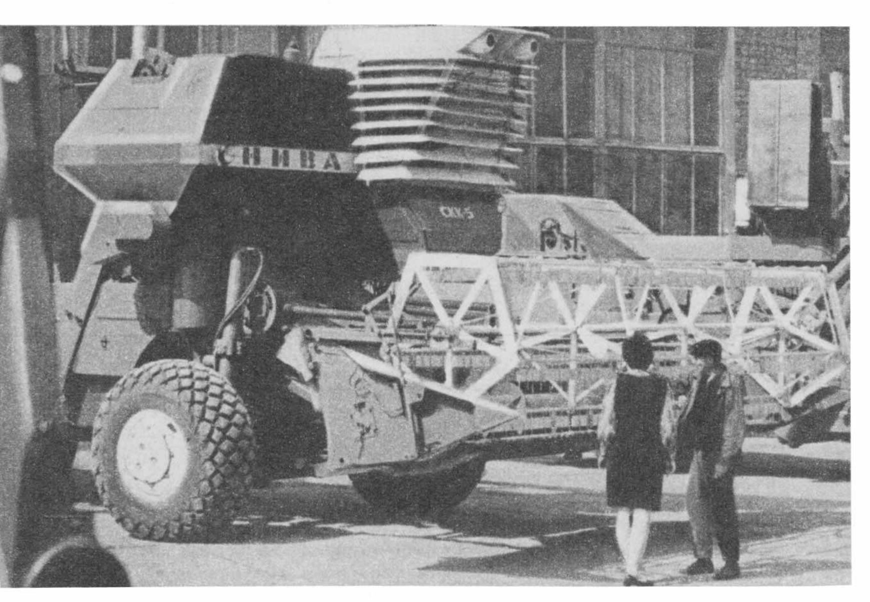
— Блока цехов,— поправляет меня главный инженер, показывая со вздыбленного глинистого пригорка, среди ревущих рядом скреперов и

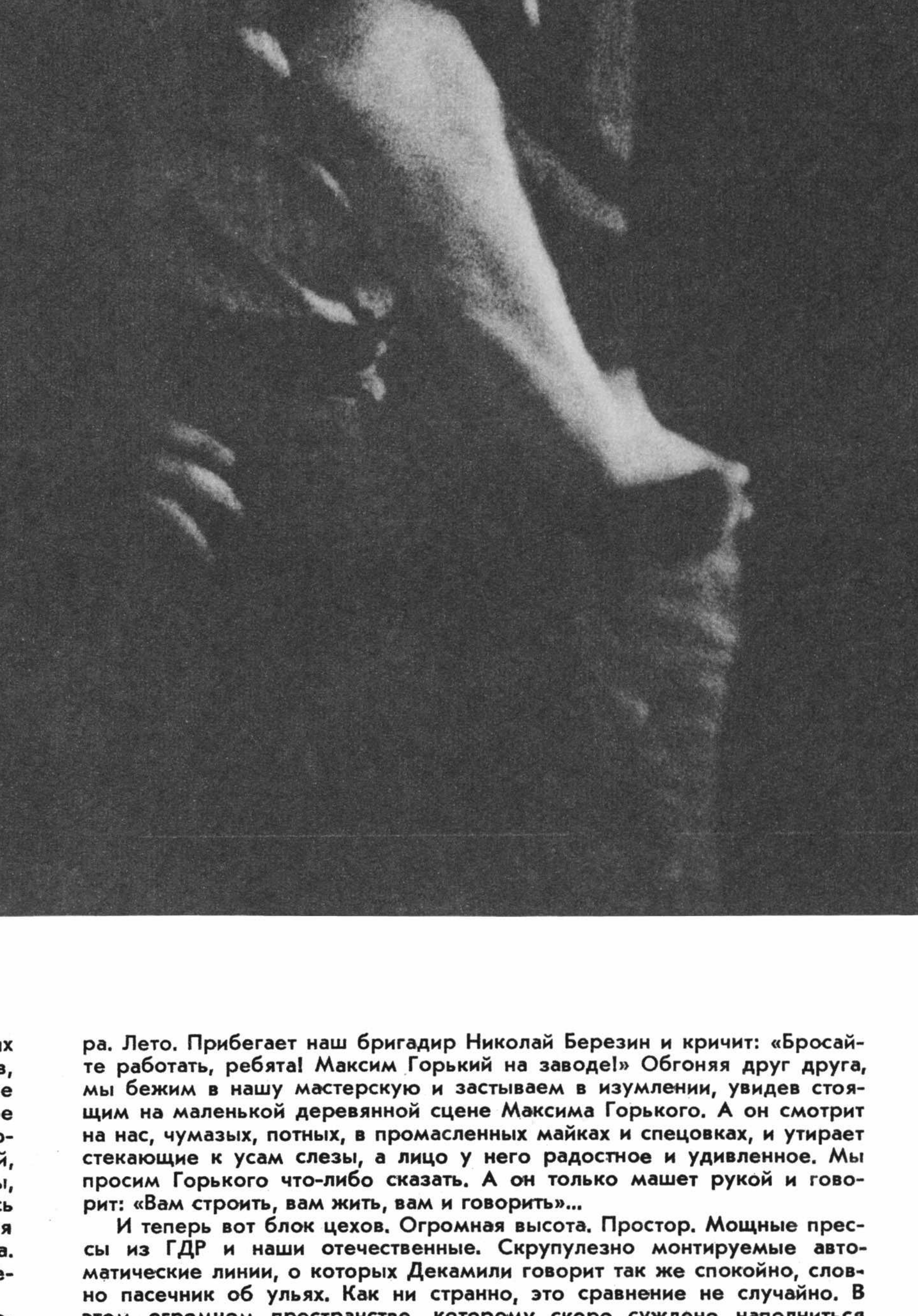
Комбайн «Колос».

Этот комбайн будет работать на крутых склонах.

Комбайн «Нива».

гремящих подъемных кранов, на цепь возвышающихся, объемных вширь и внушительных в высоту уже построенных зданий новых цехов, связанных воедино технологическим процессом. И все же ты еще не сразу поймешь, что же это такое — блок цехов, такое емкое и такое выразительное словосочетание. И тут невольно вспомнишь цеха, в которых ты работал,— цех уборочных машин, ремонтно-механический, цех комбайнов. Все они здесь, на месте, восстановленные после войны, только некоторые из них изменили названия. Когда-то они казались нам очень внушительными. «Вырос новый громадина-цех и раскинулся на три гектара»,— писал я восторженно в годы строительства завода. Теперь, рядом с новыми, они отчасти меркнут, хотя в них многое сделано, в этих старых цехах, чтобы удобней работалось.

А память в движении... Вот он, цех серого чугуна, на крыше которого мы когда-то ставили металлические вентиляционные фрамуги. Жара. Лето. Прибегает наш бригадир Николай Березин и кричит: «Бросайте работать, ребята! Максим Горький на заводе!» Обгоняя друг друга, мы бежим в нашу мастерскую и застываем в изумлении, увидев стоящим на маленькой деревянной сцене Максима Горького. А он смотрит на нас, чумазых, потных, в промасленных майках и спецовках, и утирает стекающие к усам слезы, а лицо у него радостное и удивленное. Мы просим Горького что-либо сказать. А он только машет рукой и говорит: «Вам строить, вам жить, вам и говорить»...

И теперь вот блок цехов. Огромная высота. Простор. Мощные прессы из ГДР и наши отечественные. Скрупулезно монтируемые автоматические линии, о которых Декамили говорит так же спокойно, словно пасечник об ульях. Как ни странно, это сравнение не случайно. В этом огромном пространстве, которому скоро суждено наполниться рабочим грохотом и шумом, сейчас почти такая тишина, как на пасеке.

Юность Ростсельмаша. 35-я бригада сборочного цеха на «пятиминутке».

Совсем другое дело в старом цехе комбайнов, где на конвейере идет напряженный выпуск машин, которые вступят в бой на полях уже в нынешнюю уборочную кампанию.

— Это уже не чистый СК-4,— говорит Декамили.

— Это как же?

— В нем уже есть узел СК-5.

— Это как же?

— Объяснения потом,— вмешивается в наш диалог Бойко.— Идемте лучше на то место, где вы работали сорок лет назад.

И мы идем. Идем мимо инструментальной кладовки, где когда-то получали фрезы... А вот и место, где когда-то стояли наши фрезерные станки «цинциннати». Теперь их нет. Теперь здесь другие станки. Отечественные. Но колонны, подпирающие крышу цеха, те же. Из открытых фрамуг тянет степным ветерком. Да, вот в этом месте мы и работали в 1932 году, выпуская первые комбайны. В этом месте...

По дороге в партком мы заходим еще и в бывший цех уборочных машин. Сейчас это цех механической обработки. А в 1931 году, еще до выпуска комбайнов, цех должен был выпустить первую тысячу сноповязалок. Здесь, на вязальных аппаратах, работал мастер Ольвинский, бывший бригадир монтажников.

Помнится, еще во время монтажа цеха он говорил своей бригаде:

— Вы новички, и я новичок на этом заводе. Значит, старыми по заводу будем вместе. Но старыми станем тогда, когда из цехов будут выходить не только стуки наших молотков, но и сельскохозяйственные машины. Подготовку к этому ведем мы, монтажники. Сроки до пуска коротки, но мы может сделать их еще короче.

И сделали.

Где он сам, товарищ мастер Ольвинский?

Сейчас в цехе мы встречаем Героя Социалистического Труда Петра Ивановича Фаустова. Рядом с ним плотный молодой паренек.

— Племянник приехал в гости. Показываю ему завод... Решает, остаться ему на заводе работать или нет. Не уговариваю его, пусть сам решает.

Окончилась первая смена. Мимо нас весенним потоком идут рабочие. Идут к той самой гулкой проходной, проложенной когда-то под землей, под железнодорожными путями и складами. Идут мимо портретов Героев Советского Союза, которых когда-то воспитал и вырастил Ростсельмаш. Многие из них отдали свою жизнь на войне. Но здесь, на заводе, их помнят, с уважением произносят их имена.

— То, что мы делаем сейчас на конвейере,— это не совсем обычно,— говорит мне Михаил Петрович Бойко, когда мы оказываемся в парткоме.— В мировой практике такого не было.

— Чего не было?

Мне очень хочется узнать, чего не было в мировой практике, и понять, что происходит с комбайном. Бойко чуть усмешливо смотрит на меня,— куда я тороплюсь, все же элементарно просто.

— Сейчас идет поэтапное внедрение деталей и узлов комбайна СК-5 «Нива» в еще выпускаемый комбайн СК-4,— терпеливо объясняет Бойко.

Но я еще плаваю в этом вопросе, в чем честно и признаюсь.

— Поскольку мы не могли останавливать конвейер, а не все узлы еще готовы для освоения на конвейере, то мы разбили период освоения СК-5 на три этапа. Сейчас выходящая машина уже на двадцать один процент является комбайном «Нива». В общей оснастке машины эти узлы уже идут по конструктивной схеме «Нивы». Понимаете?

— Понимаю,— говорю я неуверенно.— Конечно, понимаю,— уже

Идет установка нового оборудования в кузнечно-прессовом корпусе Ростсельмаша: старший технолог Н. Овчаренко (в центре), механик цеха тонкого листа Г. Салоедов и слесарь-наладчик В. Мартыненко.

почти вскрикиваю, вспомнив, что на конвейере сборки Бойко вместе с Декамили показывали мне новые узлы машины.

— Вот и хорошо,— облегченно вздыхает Бойко.— Начали мы эту «подсадку» с марта этого года. С августа комбайн понесет в себе сорок четыре процента «Нивы», а с декабря с конвейера уже пойдут полностью новые машины.

— А так можно?

— А как вы думаете? — отвечает Бойко вопросом на вопрос.

Приходится отвечать:

— Наверно, можно, если вы их выпускаете.

— Да,— просто говорит Бойко,— не только можно, но и нужно... Около трехсот машин каждый день... Как же мы можем остановить конвейер?! Но ведь и СК-4 тоже хорошая машина... А этот год мы считаем переходным, поэтому технологически мы пошли по этому пути.

Технологии я боюсь, имея в виду не столько себя, сколько читателя. Для этого существуют технические издания.

— Но не так все просто, как вы думаете,— продолжает Бойко.— Выпуск новых машин выдвинул архимного проблем. Несмотря на более эстетические формы, вес комбайна увеличился, значит, требуется большее количество металла, и не в сотнях, а в тысячах тонн. А это тоже непросто...

— Вы сказали «эстетические формы» — в чем они выражаются?

— В общей конфигурации машины...

— А в частностях?

— Кабина усовершенствована... Там будут жалюзи, скрывающие комбайнера от солнца... хотя, по-моему, чем больше металла, тем более жарко... Впрочем, вы бы съездили в Таганрог к Изаксону в его конструкторское бюро и увидели бы все сами.

— Обязательно поедем.

— Но дело не только в металле... Дело в людях. На заводе работают тридцать тысяч человек... А завод-то наш пока еще старый... Отсюда большая текучесть... А это, сами понимаете... Было двадцать три процента, сейчас поменьше — двадцать, но тоже много... Об этом сейчас наши заботы, о социальных планах, улучшающих жизнь рабочих и служащих завода...

Видимо, этот вопрос чрезвычайно беспокоит секретаря парткома Ростсельмаша.

— Все ведь зависит, на первый взгляд, от малых вопросов. Но какие же они малые, если каждый из них упирается в человека? Детские сады? Было их тринадцать, чертова дюжина. Не спасала эта дюжина нас. Построили еще восемь детсадов,— все более увлеченно говорит Бойко.— Построили! И сняли проблему детских садов. Сняли! Но это только одна из многих проблем. А жилье? Еще одна проблема. Если я вам скажу, что за всю прошлую пятилетку на заводе был введен в строй всего один жилой дом?! Один! Вот и боритесь с текучестью! Разбивайте эту психологию! Только в этом году мы введем пять домов да четыре дома хозяйственным способом, кооперативным, куда люди вкладывают и деньги, в рассрочку, конечно, и свой труд... А распределение квартир? Строго по очереди. Только по очереди... Но разве все предусмотришь? Пришла ко мне, как члену исполкома, одна женщина, два сына служат в армии. Была в своем коллективе седьмая на очереди... Семь ордеров должны были вручить. И ей, конечно... А этот седьмой ордер выдали инвалиду Отечественной войны, человеку с большой семьей... А она осталась за бортом... Временно, конечно, но когда этот борт снова подойдет? Вот и говорит мне: «Я думала, вы хозяин своему слову, а вы брехун». А я и обидеться не могу... Объясняю, конечно...

— Объяснили?

— Да, как мог... Пожали руки друг другу в конце беседы... Сплю и вижу новый Сельмашевский проспект, что вдоль парка культуры пройдет. На старые застройки смотришь — душа кровью обливается. Да разве только это? Знаете, кем наш завод обложен?

— Не-ет...

— Новыми заводами... В последнюю пятилетку построены. Рядом вертолетный завод... А наш завод восстанавливали после войны, как был. Шум... Загазованность...

Я смотрел на Бойко с интересом. Все, что он говорил, не рождалось сию минуту.

— Вы думаете, ростовчане у нас работают на прессах?

Вопрос был обращен ко мне.

— А разве нет?

— Конечно, нет. Они имеют возможность выбора... А на прессы идут приезжие. Провалился в институте. Куда деваться? Обратно ехать не хочется. Вот и остаются, где можно поработать и подготовиться для сдачи экзаменов... Курсов таких у нас, кстати, много.

— Много учится?

— Почти поголовно... Завод, производство должно привлекать интеллектуальным трудом. Пока не создадим полностью двухсменного, интеллектуального труда, люди не будут держаться за завод, особенно молодежь. Поэтому-то мы и разрабатываем колоссальную для размеров одного завода программу социального развития. Даже бассейн строим.

— Почему «даже», это уже во многих местах есть.

— Потому что тоже не без борьбы. Некоторые люди из старых кадров говорили: «А зачем? На Дону живем». А где Дон от нас? Спортивный манеж будем строить... Дворец культуры реконструируем, новый современный кинотеатр возводим... Всего не перечислишь.— Бойко постучал пальцами по столу.— Вот что такое сегодня комбайн... Не только конвейер, и не только на конвейере новые узлы.

— А как молодежь?

— Я слышал, вы хотели встретиться с заводской молодежью?

— Да, после возвращения из Таганрога.

— Они вам больше расскажут, чем я... Из первоисточника... Растет новое поколение... Разные, конечно, бывают ребята. Но в основном настоящие люди растут на заводе. Да и условия для них другие... Однажды кто-то из нас в цехе вспомнил о продуктовых послевоенных карточках. «А что это такое? — спрашивает юнец.— Какие карточки?..» Так что только поворачивайся.

Я задаю последний вопрос:

— В чем вы видите сущность деятельности партийного работника?

— Тут я, пожалуй, скажу уже о себе... Я ведь тоже бываю у некоторых партийных работников,— говорит, о ком-то думая, Бойко.— Это когда выходишь от такого человека и кажется, что у тебя крылья вырастают.

...Вместе с Бойко мы пересекаем небольшую площадь, расположенную перед парткомом завода. Предвечерье. Из проходной шумно шагает группа молодежи. Некоторые из них держат в руках небольшие портфельчики. Ребята о чем-то оживленно спорят...

Да, многие из нас вышли в жизнь из этой проходной...

II. В КБ У ИЗАКСОНА

К сожалению, я не бывал раньше на заводе комбайнов в Таганроге, который в настоящее время начал выпускать еще более производительный комбайн К-6 «Колос», также рожденный в конструкторском

бюро, которое долгие годы возглавляет Ханаан Ильич Изаксон, получивший с группой своих коллег за создание комбайна СК-4 Ленинскую премию.

Мне очень хотелось посмотреть, что называется, «в чистом виде» уже полностью собранные комбайны «Нива» и «Колос», а одновременно и познакомиться с самим Изаксоном, о котором я слышал самые различные мнения — и о его резкости, прямоте суждений, несгибаемости в требованиях и к коллективу, с которым он работает, и к тем, кто ставит на конвейер его детище.

Признаюсь откровенно, я ожидал встретить человека, в какой-то степени спокойного, умиротворенного, именно в это время, когда созданы две конструкции, принятые, утвержденные после многократных испытаний и пущенные в производство, что само по себе является достойным завершением многолетних трудов всего коллектива конструкторского бюро.

Но мои предположения рассыпались прахом. После того, как мы переступили порог длинного кабинета, вдоль окон которого стоял почти во всю длину комнаты накрытый зеленой скатертью стол, и познакомились с хозяином кабинета, пригласившим нас к столу, разговор пошел почти односторонний. Видимо, конструктора что-то беспокоило, и он не собирался этого скрывать.

— Все в наше время требует большой гибкости, больших усилий и затрат времени. К нам в КБ писали многие комбайнеры, просили установить спидометр... Просьбы правильные, но шесть лет я не могу добиться установки этого маленького агрегата. Мы создаем машину, должны доказать ее преимущество перед предыдущей. Но доказать это преимущество мы не всегда можем. Вы хорошо знаете систему образования цен?

Я признался, что не слишком компетентен в этом вопросе.

— Зато у нас есть немало людей, которые сверхкомпетентны в этом вопросе. Почему бы к новому изделию не приплюсовать и систему материального стимулирования? Для этих людей каждая новая машина — повод увеличить ее стоимость. А на кого ложится оплата этой стоимости? На тех, кто покупает машины. А кого в этом случае покупатель поминает недобрым словом? Тех, кто сконструировал машину, то есть нас. Сколько понадобилось труда, чтобы снизить запроектированную стоимость в 7 500 рублей до 5 300 рублей. Где же контроль над образованием цен? Мощность двигателя растет, а цена еще больше растет. Правда, объективности ради, цены на машины растут и за рубежом. На Западе машина, близкая по показателям к «Ниве», стоит 10—12 тысяч долларов.

— Не уступают наши машины зарубежным?

— Мне не очень удобно говорить... Но думаю, что «Нива» не уступает, а «Колос» превосходит машины англо-американских фирм. Впрочем, этим летом мы должны еще раз в этом убедиться: на Кубани будут своеобразные соревнования между американскими и нашими комбайнами. Приезжайте, посмотрите... Скажем еще скромнее: наши не хуже... Далеко не хуже... На одном таком недавнем соревновании американский комбайн сошел, а наш работал очень хорошо... Да вы же знаете таких, как Василий Макарович Чердинцев, Герой Социалистического Труда из Оренбуржья... Можно многих назвать... Как они прекрасно работают! А когда некоторые поносят наши машины — это щель для лодырей. С машиной надо обращаться по-хозяйски. Надо ее знать, как самого себя. Ведь ни одна страна в мире не имеет такого парка комбайнов. Ни одна! Семьсот тысяч — это же огромное богатство. А этот парк ведь не исчезнет так просто, и в общем-то он работает отлично... Мы уже отработали с нашими комбайнами почти восемь пятилеток, теперь начали девятую... Как видите, начинаем ее новыми машинами. Но и старые будут работать еще долго... Лет через семь-восемь только произойдет полная замена всего нынешнего комбайнового парка.

— А что вы думаете о возможных конструктивных изменениях в ближайшем будущем?

Изаксон ответил неторопливо:

— Мое мнение... Впрочем, не только мое... Прогнозы в этой области утверждают, что классическая схема комбайнов сохранится на ближайшее время... Классическая... Но главное, чем должны отличаться современные машины,— способностью убирать высокоурожайные сорта. Вы же знаете, что на Кубани, в совхозе, где работает Первицкий, лукьяненские сорта пшеницы «кавказ» и «аврора» дали в прошлом году по 78 центнеров с гектара. Это же надо убирать! И без потерь... Но ведь мы, конструкторы, обязаны думать обо всем. Конечно, в первую очередь о производительности, но еще и о форме... Современная машина должна быть компактна, эластична... И, конечно, красива...

— А разве что-либо мешает этому?

— А красители? Если бы были у нас красители, те, которые нам нужны! Как хорошо смотрятся на поле красно-оранжевые комбайны или цвета морской волны! Но их нет, потому что нет красителей... По этим причинам на конвейерах мы даже не можем собирать окончательно окрашенные детали. А вы знаете, сколько дней в году работает комбайн?

К этому вопросу я был подготовлен:

— Около месяца.

— Да, но это в лучшем случае... При нынешней системе, когда комбайновый парк достигнет у нас одного миллиона машин в среднем, на каждый из них выпадет по тридцать часов работы за сезон, может быть, чуть больше. Сколько мы собираем хлеба? В среднем чуть ли не двести миллионов тонн. Наш парк, по расчетам, должен убирать три с половиной миллиона тонн в час. Подсчитайте... Сейчас всего на шестьдесят часов работы. Это производительно?

Даже при молниеносном подсчете оказывалось, что не очень производительно.

— Нет, конечно,— сказал я.— А что же делать?

— Этот вопрос надо решать в комплексе. Вам приходилось когда-либо видеть самоходное шасси?

— Приходилось...— неопределенно ответил я.

Они строят блок цехов — монтажники - высотники бригады Михаила Недоруба.

Секретарь партийного комитета М. П. Бойко, старший мастер механосборочного цеха Герой Социалистического Труда Д. В. Ефимов и главный инженер завода Л. Е. Декамили.

У Изаксона промелькнули веселые искорки в глазах.

— После беседы я покажу их вам.

— Вместе с комбайнами?

— Конечно. Мы их выпускаем здесь, но мало, очень мало. А что такое самоходное шасси? На нем стоимость уборки одного гектара — десять рублей, а на «Колосе» — восемнадцать. На Кубани я знавал председателя колхоза Третьякова. Он был патриотом самоходного шасси. Я его спрашивал: «А что вы так его полюбили?» «А как же не любить,— отвечал Третьяков,— он и жнет, и косит, и возит. При нем мне и автомашин столько не надо. Отработал комбайнер на уборке хлеба, ставим другую машину. На ней хочешь дорогу строишь, хочешь дома, хочешь пруды. Кукурузу убираешь, свеклу...» Это Третьяков говорил... Я знаю, на Украине на одном таком шасси люди по шесть-семь лет работают.

— И в чем же дело?

— Многие хорошие товарищи поддерживают, а сдвинуть это с мертвой точки не можем.

— Почему?

— В плановые органы вопрос упирается. Помогите.

— Да что вы?!

— Американцы тоже ведут в этой области работу, но им все же труднее. На Парижской выставке остановился я возле самоходного шасси. Заметил, еще один человек стоит. Разговорились. Он, оказывается, и автор, и директор, и хозяин фирмы, производящей шасси. На свое будущее смотрит грустно. «Почему?»— спросил я его. «Комбайн — машина дорогая, не вытяну, а чтобы и такую производить, патент надо купить. А еще надо уверенность иметь, что у меня такую систему покупать будут. А что же вы не выпускаете?» — закончил собеседник свою тираду. «Но вы же сами говорите, что за рубежом не строят такие шасси». «Но за рубежом и коммунизм не строят».— Изаксон, словно подытоживая, сложил на столе руки.— Ну, а теперь, идемте, посмотрим,— сказал он, поднимаясь.

В пролете между двумя цеховыми зданиями мы увидели два новых комбайна — «Колос» и «Ниву». Они выглядели красавцами. Вместе с Изаксоном мы забрались в кабину «Колоса». В ней было просторно и удобно. Я обратил внимание на спидометр.

— Все-таки сделали?

— Для своих опытных образцов мы и сами можем все изготовить.— Изаксон любовно оглядывал машину. Его можно было понять.

Напротив этих двух машин вхолостую гоняли мотор третьего комбайна. Машина была тоже «Нива», но только иная. Она стояла, наклонившись в одну сторону.

— Это крутосклонный комбайн — для уборки хлеба в холмистой местности. А вот этот комбайн стоит на самоходном шасси,— указал он на четвертую машину.— А теперь идемте в экспериментальный цех.

Мы вошли в просторный цех. Ровно гудели токарные и фрезерные станки, возле верстаков стояли в комбинезонах рабочие, тщательно разглядывая чертежи. У входа, окрашенная в ярко-зеленый цвет, стояла автомашина. Рядом собиралась другая. Изаксон пытливо смотрел на нас.

— Это и есть самоходное шасси? — спросил я.

— Да, это и есть то самое самоходное шасси... Запомните их.

У входа в конструкторское бюро мы попрощались с Ханааном Ильичом. Да, конечно, это оказался одержимый человек. Ну, а каким же иным характером должен обладать конструктор?

III. ВСТРЕЧА С ЮНОСТЬЮ

Вот мы и встретились с юношами и девушками того самого возраста, в котором приходили на завод сорок и даже больше лет назад. Встретились в том самом зале парткома завода, в котором бывали и тогда, вот так же, как и в этот день, в ожидании, что этот день принесет в нашу жизнь что-то новое. Диапазон в возрасте собравшихся на встречу — девятнадцать — двадцать шесть лет. Все комсомольцы, двадцать из более чем шеститысячного заводского отряда членов ВЛКСМ.

Заводские комсомольцы, поддержанные газетой «Ростсельмашевец», сейчас ведут широкую кампанию среди молодежи:

С заводом до конца пятилетки! Вся молодежь должна стать кадровыми ростсельмашевцами!

Может, с этого и начнем разговор? Кто возьмет слово первым?

Кому же как не комсоргу, плотнику, строителю того самого нового цеха, одного из блока цехов, в которых мы бродили несколько дней назад, Валентину Гончарову, брать первое слово?

— Я свою судьбу определил... Цех начинается с фундамента. Вот этот фундамент мы и готовим... Без плотников в этом деле не обойтись...

— Конечно, не обойтись,— говорит его дружок Василий Реприков,— но все связывает арматура. Все лежит в основе цеха. Все, что становится на фундамент, должно стоять прочно. А это делает наша бригада. Понимаете, какая ответственность у нас?

Да, я понимаю, какая ответственность лежит на плечах этого двадцатичетырехлетнего юноши, отслужившего свой срок в пограничных войсках рулевым-сигнальщиком.

— Задерживали нарушителей?

— Когда появлялись, задерживали.

— Учитесь?

— В девятом классе.

— Какие привязанности в жизни?

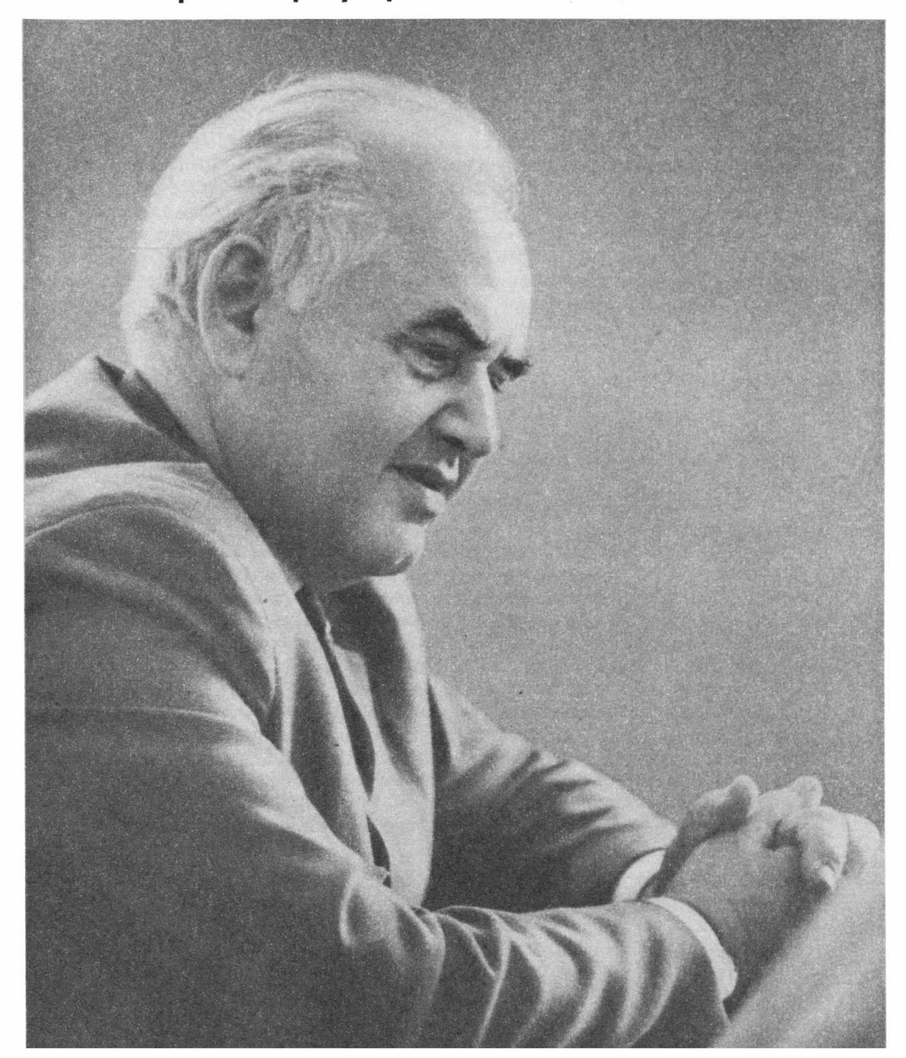
— Жена...

— А кроме жены?

— Фотография... Природу люблю снимать.

Значит, Вася — арматурщик? Вечная и мужественная профессия. Должны быть сильные руки и точный глаз. Он знает, какой фундамент завязывает.

Лауреат Ленинской премии Х. И. Изаксон, главный конструктор Государственного специального конструкторского бюро по зерноуборочным комбайнам.

А вот еще юноша. Владимир Ляшенко. Монтажник-верхолаз со строительства блока цехов. Если Валентин и Василий обеспечивают фундамент, то Владимир монтирует, так сказать, по вертикали, колонны, подпирающие плечами тяжелые крыши цехов, эстакады и все, чему дано быть на большой высоте. Он потомственный сельмашевец. Родители когда-то работали здесь на заводе. Отец был грузчиком. Сейчас инвалид Отечественной войны. А Владимиру выпало отслужить в нашей армии в частях, временно расположенных на территории ГДР. Что же он думает о тех немцах, с которыми ему довелось встречаться?

— Немцы разные. Мы были в Бухенвальде. Видели, что творили фашисты, но то было давно...

Да, для него все это было давно. Ему сейчас двадцать два года.

— То было давно,— говорит Володя.— А 9 мая, в День Победы, они возлагали венки на могилы наших героев, погибших в Германии... Немцы возлагали... У нас, конечно, тоже сейчас иное отношение к ним. Мы им на заводе одном помогали... А чего не помочь? Работали у них на заводе комбайнов. А то еще выезжали, машины ремонтировали. В футбол с ними играли.

Добрый фундамент в жизни — служба в Советской Армии. Вот и Николай Черепков по специальности инженер-конструктор, донской казак, если вспоминать генеалогию... Служил в Ракетных войсках. Из армии — прямо на Ростсельмаш. Рассчитывает с друзьями конструкции балок, монорельсы, конвейеры. Все для того же блока цехов.

— А вообще,— говорит он даже с какой-то удалью,— если отвечать на то, что в жизни люблю, так это прежде всего саму жизнь люблю, потому что она очень даже интересно перед глазами разворачивается. Конечно, работу люблю. Вот уж тут все можно отдать... Ну, и еще техническую литературу... Читаю, как романы.

— А романы читаете?

— Да, вообще читаю,— говорит Николай после некоторого раздумья.

— Какие?

Раздумье затягивается...

— Ну, это у кого к чему душа лежит. У меня лично к технической литературе.

Зачем же спорить с таким хорошим и добрым парнем? И в самом деле — читает, что хочет... А все же где-то червячок сомнения точит мысль: а ведь мало, очень мало читают молодые люди! Все можно понять: заняты, работают много, почти все (если не все) учатся — кто заочно, кто после рабочих смен. В свободное время телевизор смотрят, благо что в последние годы хоть без личного ущерба есть что посмотреть. А все же читать надо. Что может заменить хорошую книгу? Ничто. Может, стоило бы комсомольским организациям и на эту сторону жизни молодежи посмотреть? Без принуждения, конечно... В Дворцах культуры, в клубах, в библиотеках да и в самих цехах поинтересоваться, что читают юноши и девушки. Посоветовать, что почитать.

Что может заменить хорошую книгу? Ничто.

...А беседа наша все идет дальше. И час мелькнул и другой. В третий вплываем... Вот еще два молодых друга — Николай Засименко и Анатолий Матрос. Первый — электросварщик, второй — слесарь-монтажник. Работают, что называется, в паре.

— Слесарь без сварщика, как птица без крыльев,— говорит Анатолий Матрос и смотрит на своего друга Николая.— Что мы были, когда сюда пришли? Ничто. Слышали только, что завод славится. А теперь и профессии обрели и понятие, что такое Ростсельмаш. Ведь по всему миру машины наши идут...

Правильно думают Анатолий и Николай. Сорок лет назад мы обо всем мире не думали. О своих полях и степях думали. Куда уж было думать обо всем мире, выпуская первые 1 700 комбайнов!

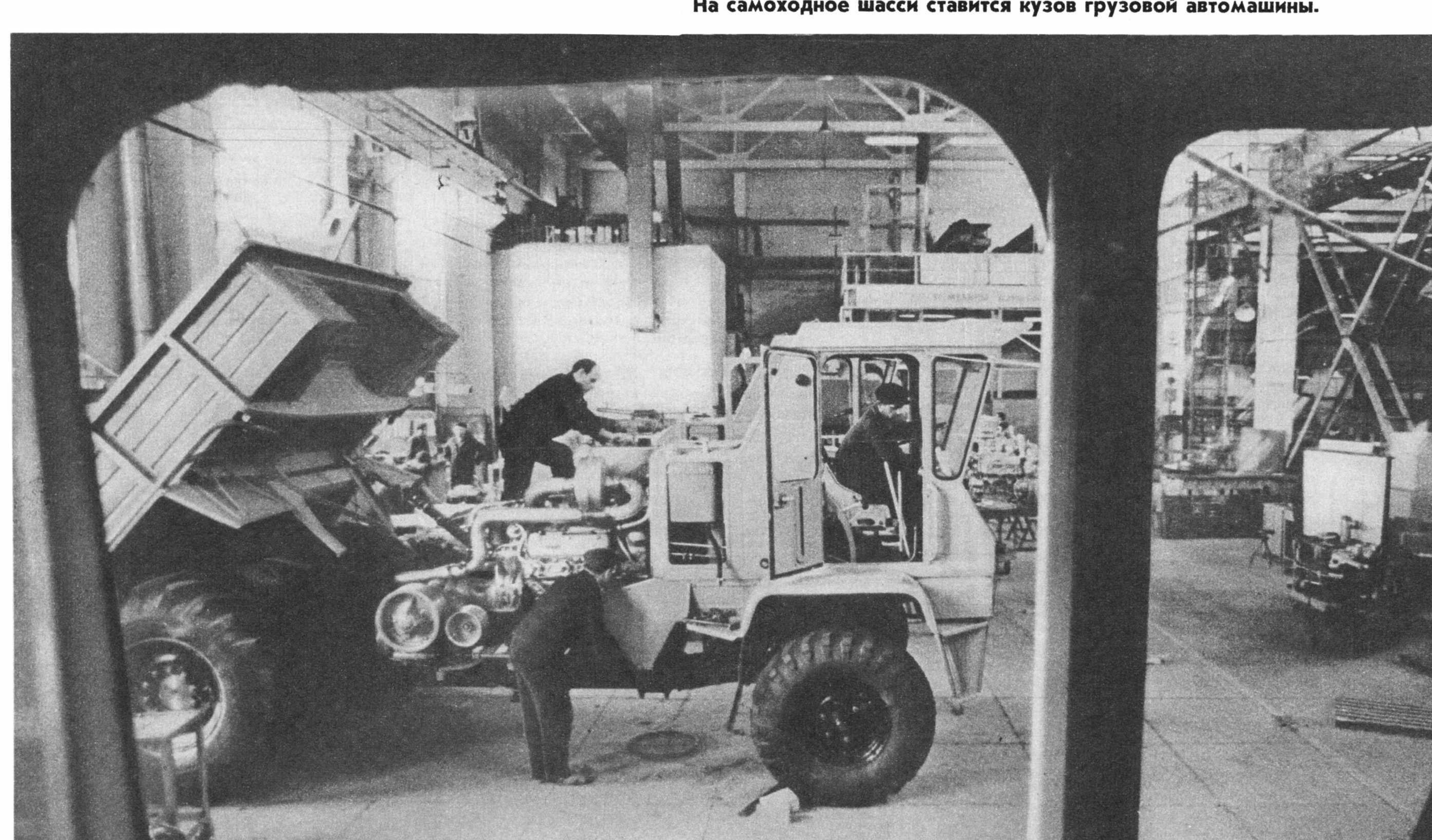
Вот и Люба Касторня, что работает и сверловщицей, и фрезеровщицей, и автоматы фрезерные освоила, так думает. И Надежда Пиденко, девятнадцатилетняя девушка, окончившая ПТУ, комсорг бригады и тоже и токарь, и фрезеровщик, и сверловщица (а мы когда-то порознь этими профессиями владели). И Надежда Пилипенко, фрезеровщица, учащаяся техникума; и Анна Муту, работающая слесарем на сборке цепеуспокоителей, и все другие юноши и девушки, что пришли на эту встречу, как-то открылись по-своему — и по-юношески, и по-взрослому, и очень по-современному. И не один я из старых сельмашевцев был на этой встрече с юностью. Нет, не один. Сидели в этом зале и Пантелеймон Рябенко и Борис Красник, старые кадровые сельмашевцы, которые, по выражению Рябенко, «в шестьдесят третьем году нашли в комсомоле друг друга и сплотились». И сплотились непросто. Помогают молодежи помнить о прошлом завода, о рабочих традициях, рожденных на одном из первенцев первой пятилетки; о боевых подвигах ростсельмашевцев в годы Великой Отечественной войны; и о многом другом, что полезно узнать юности от людей зрелого возраста.

...Вот она и состоялась, эта новая встреча с родным заводом в знаменательный год выхода нового комбайна «Нива», в год сорокалетия выпуска первых машин. Но дело вовсе не в этом сорокалетии. Признаюсь, несмотря на то, что почти каждый год я бываю на заводе, все же ехал я с неким элегическим чувством встречи с прошлым. А прошлого этого в прямом смысле слова и не увидел. Увидел настоящее и будущее. Увидел беспокойных людей, спорящих, ищущих, сражающихся с рутиной и бюрократизмом, и все ради одного — только ради одного,— чтобы делать нашу жизнь еще краше, богаче, разнообразней во всех сферах, куда только может обратиться сознание человеческое. Конечно, каждый понимает свои задачи по-своему. И возраст здесь имеет значение. И тем не менее... Ведь это им, молодым ростсельмашевцам, выпадет удел встретиться в 2000 году, на стыке двух тысячелетий, и с той вершины посмотреть и оценить созидательный труд не только всего нашего общества, но и его небольшую ячейку — многие поколения ростсельмашевцев, которые, где б они ни были, всегда помнят о своем заводе. Да и сам завод напоминает им о себе всюду. Это — большое, огромное счастье — быть причастным к такому чуду, такому мощному индустриальному гиганту, который своими машинами собирает хлеб Страны Советов.

...После встречи с юностью мы снова вышли на площадь перед проходной завода. Было сравнительно тихо, только издалека доносилось смутное дыхание завода. Но вот на железнодорожных путях показался состав с открытыми платформами, на которых один за другим, длинной цепью стояли новые, сияющие под заходящим солнцем комбайны. Завод отправлял на поля страны готовую продукцию. Состав набирал скорость. Комбайны мелькали перед глазами. Это была уже много раз виданная картина. Так было и сорок лет назад... И многие другие годы. И что-то всегда сжимало твое сердце при такой встрече. И, может быть, именно то, что составы с комбайнами шли по тем же рельсам, по тем же путям, что и раньше.

Апрель — май 1972 г.

На самоходное шасси ставится кузов грузовой автомашины.

СОЛНЦЕ СЕВЕРНЫХ ПЕСЕН

Юван **ШЕСТАЛОВ**

«Мы уйдем, покинем землю,
Чтобы больше не родиться...
Наши лодки, как могилы,
На песках сгниют тоскливо,
И в деревнях опустелых
Будут жить одни лишь мыши...» — так пели в старину мои предки — манси. Этот крик души родила жизнь: печальная и темная. В иной мир — небытие — люди не хотели уходить молча. В грустные мелодии они вплетали крик истерзанной души.

И если в сегодняшних песнях Севера много света, солнца, то это не случайно. После долгой полярной ночи появление солнца — чудо.

Рождается ребенок, растет. Глаза его жадно смотрят на мир. Он всему удивляется. И журчащей воде, и полету уток, и бегу оленей. Но впервые за тысячелетия в жизни народов Севера это первое детское удивление, первый юношеский восторг не омрачен ужасами жизни, горьким опытом отцов и дедов. Окрыленный новой жизнью, певец Севера запел во весь свой голос. Послушайте Алитета Немтушкина или нанайца Андрея Пассара. Посмотрите, как щедро раскрывается душа северной женщины в стихах чукотской поэтессы Антонины Кымытваль. Посидите у юкагирского огня Улуро Адо. И вы поймете многое.

Пятьдесят лет, прошедшие со дня образования СССР, оказались для народов Севера равными столетиям. Это было прекрасное время пробуждения человека северного сияния. Теперь ему доступны вершины литературы и искусства. Творчество Владимира Санги, Григория Ходжера, Юрия Рытхэу — яркое тому свидетельство. Их книги издаются миллионными тиражами, переводятся на разные языки. И не в экзотике секрет их успеха. У каждого из них «свой ключ» художественного постижения действительности, своя манера письма. А чукотские косторезы или деятельность заслуженного артиста РСФСР Кола Бельды? Все они внесли свое, новое в сокровищницу духовных богатств мира.

Северянам есть о чем рассказать миру. Край, который совсем недавно казался многим «мертвой снежной равниной», предстал кладовой сокровищ. Золото Чукотки, цветные металлы Таймыра, нефть и газ ханты-мансийской земли имеют огромное значение. Изменяется экономика Севера. Развивается и совершенствуется культура. Новые художественные проблемы решают писатели, художники, творческая интеллигенция. Долгая полярная ночь кончилась. Северянин прозрел, и от своих поэтов он ждет теперь песни о времени, о себе.

Сначала моей главной книгой стал букварь. На мансийском языке. С красочными рисунками. Я считал, что букварь существует давным-давно. Всегда у всех ребятишек была такая книга. Со своей точки зрения, я был прав: он появился до моего рождения, за несколько лет, в 1932 году. И его составил Валерий Николаевич Чернецов. Назывался букварь, как многое называли в те годы,— «Новый путь». В том же году у корякских ребятишек появилась «Красная книга», составленная С. М. Стебницким. Маленькие ненцы также получили возможность читать на своем языке «Новое слово», написанное Г. Н. Прокофьевым. Составлять буквари ученым помогали первые студенты-северяне, которые с 1930 года учились уже в специально организованном для них Институте народов Севера.

Когда я был студентом, передо мной раскрывались такие тайны жизни и духа, что порою сам себе я казался просыпающимся от тысячелетнего сна. Ленинград познакомил меня с нанайцами и эскимосами, с селькупом и чукчи, с тунгусом и саами. Много у меня стало друзей. Мы жили и учились в одном доме. Тунгус такой же, как и манси. И ненец хороший человек. Ленинград нам помог найти нити дружбы семьи единой.

Пушкин и Блок пришли ко мне. Я читал их, а мне чудилось, будто про меня это. Будто не они, а я думал, страдал, влюблялся, радовался, пел. Я такой же, как они, человек. И у меня есть сердце. А что, если послушать свое сердце? Я северянин, у меня возникают мысли, которых, может быть, у других нет. Что, если все это перенести на бумагу? И она, быть может, заговорит языком моего маленького народа? Я стал вслушиваться в себя.

На каком языке выразить свои чувства? На моем родном языке мне не приходилось слышать стихов, подобных русским, сложенных в рифму и в складные звуки. Вдруг язык моего народа так беден, что он не сможет выразить сложный и многогранный мир человека нашего века?

Я преодолел стеснение, робость. Сложил стихи на мансийском языке. Нашел рифмы. Их оказалось немало. Как в любом языке. Лишь бы чувства и мысли были, тогда любой, самый малый язык станет живым и сильным.

Странно, но так. Только в Ленинграде, далеко от родных мест, я научился понимать и чувствовать красоту и возможности языка моего маленького народа. Вероятно, этого не произошло бы, если бы не было животворного воздействия русского языка.

Однажды в институт пришел Михаил Александрович Дудин. Мы зачарованно слушали его стихи. Потом он расспрашивал нас. Через несколько дней уже в своей квартире он вслушивался в звучание мансийских рифм. К моему удивлению и неописуемой радости, Дудин переложил это на русский язык. Через год вышла моя первая книга не только на мансийском языке, на котором говорит всего несколько тысяч человек, но и на русском...

Хорошо быть студентом! Недавно я снова пришел на лекцию профессора Воскобойникова, заведующего кафедрой языков, фольклора и литературы народов Крайнего Севера. Михаил Григорьевич, работая учителем, сам кочевал с эвенками по витимской тайге. Живой свидетель творческого и духовного пробуждения человека северного сияния, он рассказывал первокурсникам о прошлом. О первых студентах-северянах, о встречах и дружбе с первыми писателями и поэтами тайги и тундры нанайцем Акимом Самаром, удэгейцем Джанси Кимонко, ненцем Николаем Вылка. О кабинете начинающего автора при бывшем Институте народов Севера, где северяне учились у собратьев по перу — Николая Тихонова, Виссариона Саянова, Геннадия Гора и многих других. О том, как зарождались у северян современная живопись, музыка, танец.

Я слушал и тоже вспоминал. Мне довелось выступать в самодеятельном танцевальном ансамбле. Само появление таких ансамблей когда-то было событием. Многими отрицалась возможность существования танцев у народов Севера.

Татьяна Федоровна Петрова-Бытова, ныне заслуженный деятель искусств РСФСР, посвятившая себя созданию национальной хореографии Севера, доказала, что и под холодным небом рождаются огненные пляски, что древние танцы северян обладают огромной выразительностью, яркой, впечатляющей красотой, они так же многоцветны, как пляшущие сполохи северного сияния.

Кружок национальной хореографии северных народов выступил уже на первом фестивале народного танца в Москве в 1935 году. И с большим успехом: нанайская шуточная борьба сразу перекочевала в ансамбль народного танца И. А. Моисеева. Потом стараниями Петровой-Бытовой и музыкального руководителя Григория Михайловича Пайкина был создан ансамбль «Северное сияние». Он существует уже тридцать лет, и популярность его растет. Помню, как меня самого потрясли сцены народных игрищ манси. В какой-то мере они воссоздавали известный мне с детства Медвежий праздник. Когда-то к нему относились пренебрежительно, объявляли шаманским действом. Петрова-Бытова сумела переосмыслить его, выделить из него все, в чем проявились талант, характер, самобытность моего народа.

В конце тридцатых годов не только советская, но и мировая общественность имела возможность познакомиться с живописью ненца Панкова, ханты Натускина, селькупа Ижбина. Их панно украшали советский павильон на Всемирной выставке в Париже. Жюри выставки присудило художникам-северянам золотую медаль «Гран-при». Они были воспитанниками художественной мастерской Института народов Севера.

Один из них — Константин Панков — мой земляк. Некоторые его картины и ныне украшают отдел искусств народов Севера Ленинградского музея Арктики и Антарктики.

Я смотрю на акварели и картины «Синее озеро», «Горы играют», «Волны», «Охотник», «Ловля птиц» — и мне кажется, что я вижу знакомые и родные места. И полет уток, и плеск рыб, и синяя вода, и красная лодка...

Своеобразное видение мира живет и в современных загадках, в орнаменте, надписях на скалах, в пиктографическом письме народов Севера. Вот где истоки оригинального искусства Константина Панкова! Не забыли ли

Урок ненецкого языка ведет кандидат филологических наук Мария Яковлевна Бармич, воспитанница Ленинградского государственного педагогического института имени А. И. Герцена.

В Доме книги на Невском проспекте — литература на языках всех народов Советского Союза.

Фото Н. АНАНЬЕВА и И. ТУНКЕЛЯ.

Наша социалистическая Родина
самая могучая страна.
Маня' истической Родина
сямян мэбета яуэ

Студентка 4-го курса физико-математического факультета Евгения Оненко.

Читальный зал в общежитии института.

Студенты факультета графики на этюдах.

Группа студентов Северного отделения института в Малом оперном театре.

современные художники Севера оригинальный опыт, зоркий глаз предков?!

Но если бы экзотическим орнаментом ограничивалось творчество художника, было бы печально. Творчество современных художников: и нанайца Андрея Бельды, и ханты Геннадия Раишева, и ульчи Александра Дятала, тоже воспитанников ленинградских вузов,— говорит о том, что они в плодотворном поиске новых форм выражения современного человека Севера.

Главная кузница подготовки кадров — Северное отделение Ленинградского педагогического института имени Герцена. Недавно я побывал в этом родном мне институте. Заведующий отделением Валентин Иванович Матвеев сообщил, что за последние двадцать три года здесь подготовлено около девятисот учителей средних школ. Более семисот преподавателей начальных школ Севера окончили годичные курсы усовершенствования учителей, функционирующие при институте.

Выпускники герценовского института стали не только учителями, директорами школ, но и общественными деятелями, партийными и советскими работниками, писателями, учеными.

Лина Григорьевна Тынель — председатель Чукотского окрисполкома, член Президиума Верховного Совета СССР. Н. И. Шарин — министр просвещения Якутии. Почти все ученые и писатели Севера в свое время, как и я, учились в Ленинграде. Питомцы института ханты Роман Ругин и Микуль Шульгин, манси Андрей Тарханов, ненец Алексей Пичков — это поэты, журналисты, воспевающие свой народ, дружбу народов.

Успехи просвещения на советском Крайнем Севере имеют международное значение. Это отмечалось многими выступавшими на Международной конференции по проблемам просвещения северных народностей в приполярных странах мира, состоявшейся в Монреале в августе 1969 года, где было более ста представителей США, Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии. На этой конференции выступил с докладом о подготовке педагогических кадров декан отделения народов Севера Лев Васильевич Беликов.

— Было признано всеми,— сказал он мне,— что в СССР так поставлена подготовка учителей и директоров школ из среды народностей Севера, как нигде. Начальное образование на советском Крайнем Севере начинается с родного языка, что в других странах — трудноразрешимая проблема.

Красноречивы признания профессора Нормана Чанса, декана факультета антропологии университета в Коннектикуте (США): доклады советской делегации «...ясно показывают, что подход Советского Союза к развитию его северных и национальных меньшинств разительно отличается от подхода Северной Америки. Вслед за свержением царизма Советский Союз предпринял огромные усилия к тому, чтобы втянуть все свои северные национальности в главное течение социалистической реконструкции...».

Действительно, огромные усилия были предприняты с первых дней Советской власти. Известно, как много внимания уделял малым народам В. И. Ленин. Говоря о севере России, отмечая, что «...на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость», Владимир Ильич задавал вопрос: «Мыслимо ли осуществление непосредственного перехода от этого, преобладающего в России, состояния к социализму?» — и отвечал: «Да, мыслимо...»

Полвека назад были сказаны эти слова. В этот короткий исторический промежуток времени под руководством партии Ленина Север сказочно преобразился. Не мертвая снежная равнина и не бесконечная глухая тайга составляют лицо его, а современные города с телебашнями, железными дорогами, нефтевышками, трубопроводами и воздушными трассами...

ИСТОКИ ПОБЕДЫ

В лучших художественных произведениях о Великой Отечественной войне, созданных за последние годы, живут и развиваются революционно-патриотические традиции советской литературы, правдиво запечатлевшей трагизм войны и величие народного подвига. К числу таких книг относится первая книга романа Ивана Стаднюка «Война».

Творчески используя богатейшие исторические факты, тщательно их отбирая и художественно обобщая, автор высвечивает истоки тех поистине неисчерпаемых сил, которые привели Советскую Армию к победе.

В книге передана атмосфера предгрозья, когда к западным границам СССР угрожающе двигалась свинцовая туча войны.

Острым ощущением этой угрозы дышат первые главы романа. Тревожное чувство охватило душу главного героя произведения — генерала Чумакова, который получил новое назначение — командовать механизированным корпусом, расположенным в одном из пограничных районов Белоруссии.

Чумаков — молодой талантливый генерал, обладающий чувством нового и огромной силой воли. Он, автор трактата о современном оперативном искусстве, об основных принципах контрдействий обороняющейся стороны, выступил ярым сторонником крупных механизированных соединений. Его характер закалялся в огне гражданской войны, когда Федя Чумаков, сельский парень, став лихим кавалеристом, отважно сражался на Южном фронте.

Военное искусство боевой участник гражданской войны постигал в академии, фронтовой опыт умножил в жестоких боях с фашизмом в Испании.

21 июня 1941 года, после встречи с командующим военным округом генералом Павловым, Чумаков направляется в штаб механизированного корпуса, который расположен в приграничном городке Крашаны. Когда началась война, механизированный корпус, который принял под свое командование генерал Чумаков, еще только формировался, укомплектовывался новыми танками. Война для генерала Чумакова началась в непредвиденных условиях. Его корпус вступил в бой в то время, когда он не успел еще добраться до штаба.

В исключительно неблагоприятных условиях командир механизированного корпуса действует решительно, демонстрируя высокое тактическое мастерство.

В тяжелых оборонительных боях в дни величайших исторических потрясений испытывались прочность характеров, сила духа и патриотизм советских воинов.

Младший политрук Иванюта видел, как мужественно держались молодые ребята под огненным шквалом. «Им, видать, пришлось куда тяжелее,— размышлял он,— потому что они не только укрывались от огня, а, повинуясь командам, спасали оружие, боевую технику, выносили раненых, перевязывали друг друга — делали свое трудное, хотя и обычное солдатское дело». Иванюта видит, как геройски ведет себя в смертельном бою старший лейтенант Колодяжный. Рядом с людьми, стоявшими насмерть, обретает мужество и сам Иванюта. Вскоре он вместе со старшим лейтенантом Колодяжным смело ведет в контратаку красноармейцев.

В боевых эпизодах книги конкретно показано, что красноармейцы видели в своих командирах и политработниках пример беззаветной преданности социалистической Родине, высокой дисциплины и организованности, что славные защитники земли русской с честью выполняли свой священный долг.

Враг изображен жестоким, коварным и сильным. Полковой комиссар Жилов говорил: «...Сила на его стороне, он теснит нас... Но боевой дух бывает и у волка, когда ему мнится легкая добыча. А вот нравственное превосходство, несмотря ни на что, на нашей стороне. Мы защищаемся от бандитов, умираем за свою землю, за свою свободу, за ленинские идеи. И пока в наших сердцах живет это святое чувство, мы непобедимы».

Рядом со зловещими фигурами фашистов автор романа впечатляюще изобразил их пособников — злостных врагов Советской власти. Таков, например, белоэмигрант Владимир Глинский, еще до начала войны заброшенный в наш приграничный район с группой гитлеровских диверсантов, переодетых в форму советских воинов.

Отечественная война в романе Ивана Стаднюка — величайшее испытание потенциальных сил и прочности Советского государства. В момент исторических потрясений раскрывались преимущества советского строя, героические духовные черты народа. Раскрывая истоки победы, автор постигает характер советского человека, высоким нравственным миром которого восхищаются трудящиеся всех стран.

А. МИГУНОВ

Иван Стаднюк. Война. «Роман-газета» № 2. 1972.

РОДНИК И ПЛАМЯ

Откроешь иную книжку стихов — и подарит она тебя ощущением простора, поведет по теплой земле, по дороге, окаймленной березами, через поле и луг, через речку, от села к селу, от города к городу, от сердца к сердцу. И какими бы крутыми ни были порой ее подъемы и спуски, мила тебе эта дорога, остается она в душе твоей светлой свежестью...

Именно такое чувство испытываешь, читая новую книгу стихов Владимира Семакина «Лен колоколится».

На первый взгляд может показаться, что предмет поэтического вдохновения автора слишком прост, будничен. Ну, что там? Лендолгунец зацвел, заколоколился, речка течет, и на мостках для постирушек женщины вальками зашлепали; береза рассыпала золотые веснушки семян... И раздумья автора о матери-земле, о жизни, о ее тревогах и радостях таковы, что сам он подчеркивает их простоту:

Нет, я своими словесами
вам ничего не навязал —
я просто-напросто сказал,
что вы сказать могли и сами.

Читая эту книгу, открываешь для себя щедрое сердце поэта-лирика, богатое чистой любовью к людям и ревниво оберегающее человечное в человеке.

Свойственное лирической поэзии одухотворение природы составляет одну из самых привлекательных черт поэтического таланта Семакина. У него это особенно ощутимо, потому что он широко владеет богатством певучего русского слова. Вот сколько красок, музыки и души в стихах, посвященных полоске цветущего льна:

Что-то есть безмятежно-безбрежное
в этой нежности летнего льна.
Ничего тут волна перемежная
ни взмутить, ни смутить не вольна!

Так покойно и голубо-зелено
это поле в залесной глуши —
словно роздых никем не измеренной
и отходчивой русской души.

Стихи Владимира Семакина о родной стороне, о неяркой, но пленительно светлой ее красоте свежи, как весенний березовый сок, нежны, как луговое июньское разнотравье. Но добрый автор становится страстным и гражданским-воинственным. Суровым предупреждением тем, кто в погоне за чужеземной модой забывает свое, звучат такие строки Семакина:

Вот забудь про можжевельник,
про клубнику на увалах,
про дубравный журавельник
в лепестках лилово-алых,
вот забудь о бересклете,
а уж там забыть недолго,
есть иль нет Урал на свете,
есть иль нет на свете Волга,
ох, недолго,
ох, недолго...

Еще В. Маяковским сказано, что настоящий поэт добывает самоцветное слово «из артезианских людских глубин». Ой, как нелегок этот труд! В стихах В. Семакина открывается многотрудная жизнь поэта, делившего с Родиной все выпавшие на ее долю невзгоды и тяжести. Но как гордо звучит признание автора:

Кто изведал хотя бы с мое,
знает: хлеб доставался недешево.
Что же видел я в жизни хорошего?
То и видел, что жизнь самое...

Ощущение жизни, неразрывной связи поэта с судьбой своего народа — вот что составляет душу стихов, собранных в книжке «Лен колоколится». И потому-то в этих стихах так явственно отразились и кристальная чистота родников любимого края и пламя, в котором закаляется гордая и свободная душа человеческая.

В. ПОЛТОРАЦКИЙ

Владимир Семакин. Лен колоколится. «Советский писатель», 1971.

Это знамя свердловчане прислали немецким коммунистам. Снимки из музея города Гриммы.

Коммунисты Гриммы со знаменем, которое они отправили уральским рабочим.

ЗНАМЕНА СОЛИДАРНОСТИ

В небольшом городе Гримме, в тридцати километрах от Лейпцига, проживает мой хороший друг Вольфганг Опенц. Он работает директором музея. Скромный, отзывчивый человек, Вольфганг помог мне восстановить по документам и рассказам очевидцев историю двух революционных знамен.

В городском музее города Гриммы меня заинтересовала пожелтевшая от времени фотография: группа людей со знаменем. В левом углу полотнища — пятиконечная звезда с серпом и молотом. В центре — изображение мускулистой руки, сжимающей древко стяга со словами: «Союз борьбы против фашизма». Внизу дата: март 1931.

За помощью я обратился к Вольфгангу. Совместными усилиями нам удалось найти первый документ, хоть в какой-то мере проливающий свет на историю пожелтевшей фотографии. В местной газете «Нахрихтен фюр Гримма» за 1931 год мы нашли заметку. В ней говорилось, что группа антифашистов прочитала в газете «Уральский рабочий» (Свердловск) сообщение о решении советских рабочих учредить для немецких коммунистов и антифашистов Красное знамя. И тогда же на Урал, рабочим завода «Новострой» ушло письмо:

«Дорогие товарищи! Известие о том, что рабочие свердловского завода «Новострой» решили прислать нам революционное знамя, вызвало большую радость у коммунистов и членов группы борцов-антифашистов. Чтобы заслужить это знамя, мы взяли на себя обязательство с 1 января до 1 апреля провести следующую работу...»

Далее сообщалось, что коммунисты Гриммы будут еще активнее укреплять партийную организацию своего города, распространять среди населения листовки, увеличат тираж местной коммунистической газеты.

«Товарищи,— писали коммунисты Гриммы советским рабочим,— мы уже начали выполнять свои обязательства. Несмотря на трудности, мы добьемся права получить ваше знамя.

Революционный привет от организации КПГ и Союза антифашистов города Гриммы.

Отто Рингель».

Вместе с товарищем Опенцем мы начали поиски участников событий тех лет. Вскоре состоялась встреча с первым из них — старым антифашистом товарищем Вилли Хёричем. Этот человек в самые тяжелые для Германии годы остался верен делу рабочего класса. За антифашистскую деятельность он был брошен в Заксенхаузен. Освобождение ему принесла Советская Армия.

Мы показали ветерану-коммунисту музейную фотографию.

— Да, я их всех хорошо знаю,— сказал он.— Вот в середине — Артур Мюллер, руководитель организации КПГ в Гримме. А вот это Дёбериц и Брюкнер.

Товарищ Хёрич сообщил, что переписку со свердловчанами установил Отто Рингель. Было решено обменяться знаменами. Жена Отто вышивала надписи. Почтовый служащий Фриче тайно положил полотнище в мешок, предназначенный для почты в Советский Союз. Через несколько недель пришло сообщение, что свердловчанами знамя получено.

В то время на Урале закладывался фундамент социалистической индустрии — шло строительство Уралмашзавода, Магнитогорского металлургического комбината, Челябинского тракторного. Высокие темпы требовали большого количества строительных материалов. Знамя немецких коммунистов было решено присудить лучшему заводу стройматериалов Урала. «Получение переходящего знамени,— писала газета «Уральский рабочий» 9 июня 1931 года,— за лучшую организацию социалистического соревнования будет способствовать успешному выполнению государственных планов». В этом же номере была опубликована фотография гриммского Красного знамени. 10 июля 1931 года Революционно-производственный совет при «Уральском рабочем» подвел итоги ударного месячника. Красное знамя города Гриммы завоевал коллектив Челябинского керамического завода.

Выполнили свои обязательства и гриммские коммунисты. Опенц нашел в архивах музея фотографию, на которой запечатлена большая группа людей с уральским знаменем. Хёрич узнал на ней человека, который привез знамя в Гримму. Его фамилия Зиринг. Подтвердил это и ветеран КПГ Брюкнер.

— Помню, утром, в воскресенье,— рассказал он,— мы сидели в кафе «Тюрингерхоф» на улице Бейерсдорф. Это было постоянное место наших конспиративных встреч. Товарищи подходили по одному. Рассаживались за разными столиками. А потом по сигналу Рингеля все вышли во двор. Здесь уже был фотограф, который и сделал снимок. Но, к сожалению, он не сохранился. Позднее на центральной площади в Гримме состоялся большой коммунистический и антифашистский митинг. Во время этого митинга Зиринг передал уральское знамя Артуру Мюллеру, секретарю партийной организации города Гриммы. Затем все участники с революционными песнями под музыку рабочего оркестра направились на гору Темпельберг и там сфотографировались.

В Свердловске я узнал, что в 1930 году Урал посетила делегация антифашистского союза борьбы «Рот фронт». Сохранился подписанный ими совместно с представителями рабочего класса Урала договор о социалистическом соревновании. Среди подписей была и фамилия Зиринга.

Знамя с Урала вдохновляло гриммских коммунистов и антифашистов на борьбу. С ним они выходили на демонстрации и рабочие праздники. Фашисты пытались изъять его у коммунистов, но всякий раз получали отпор. У знаменосца Гаича неоднократно делались обыски. Но безрезультатно. Фашисты арестовали рабочего.

Такова вкратце история двух красных знамен, страница из истории интернациональной дружбы советских и немецких рабочих.

С. ДУБРОВИН

Уссурийск.

РАССКАЗЫВАЕТ КАПИТАН ФЕДОРОВ

Несколько лет я был капитаном теплохода «Победа» Черноморского морского пароходства. В летние месяцы наш теплоход возил туристов из ГДР.

Была у нас традиция — чествовать первого пассажира, вступившего на судно. И вот однажды в Одессе первой на трап поднялась пожилая женщина. Ей мы торжественно вручили торт, бутылку шампанского, букет цветов. Во время плавания я спрашивал у нее, как она себя чувствует, нравится ли ей у нас на корабле.

В последний вечер перед возвращением в Одессу мы всегда устраивали для туристов прощальный ужин. Так было и на этот раз. Я пожелал счастливого пути пассажирам, поблагодарил их за теплые слова в адрес экипажа и вместе со всеми поднял бокал шампанского. Когда я шел к своему месту, пожилая женщина — наш «первый» пассажир — пригласила меня присесть к ее столику.

— Мне уже восемьдесят лет,— начала она.— Всю жизнь меня воспитывали в ненависти ко всему русскому и в моей семье и в семье мужа, который был военным. Война с Россией, которую начал кайзер Вильгельм, оставила мне больного мужа. Я воспитывала своих детей, честно скажу вам, в ненависти к русским. Муж умер, семья моя была обеспеченной, дети получили образование. Сыновья вступили в нацистскую партию Гитлера. Старший быстро пошел вверх, он служил в канцелярии Геббельса.

Угару гитлеровских побед в Западной Европе поддались в моей семье все. Сейчас мне просто больно говорить вам об этом. Мой старший сын погиб в Берлине. А еще раньше я потеряла младших. Война окончилась поражением фашизма, я была уверена, что вы будете мстить за то, что сделали мои дети, за то положение, которое занимала раньше наша семья. Но меня никто не тронул. Я прочитала много о России, о вас, коммунистах,— ведь и те, в ГДР, с которыми я живу рядом, строят коммунизм. Я захотела побывать в России. И когда я объяснила, почему, мне дали путевку на ваше судно. Я побывала в ваших городах, видела, как тяжело вам досталось их восстановление после фашистов, после тех, кто верил Гитлеру, тех, кого он погубил, как и моих детей. Нет ненависти у русских к простым немцам. Я это вижу и в своей стране, и особенно это я почувствовала сейчас у вас, где я разговаривала со многими. Поздно пришло ко мне прозрение, но оно пришло. Спасибо вам за все!

Слова этой старушки запали мне в душу. Я помню то время, когда Гитлер пришел к власти. Я бывал тогда в Гамбурге, плавая на пассажирских судах. Десять лет я проработал на линии Ленинград — Гамбург — Лондон. При мне в Гамбурге погибли мои друзья, немецкие комсомольцы и коммунисты, с которыми я познакомился в клубе. Сколько же было жертв с нашей стороны и со стороны немецкого народа, чтобы навсегда покончить с фашизмом! И жертвы эти были не напрасны.

П. ФЕДОРОВ,
капитан дальнего плавания

Киев.

ЗДРАВСТВУЙ, ТОВАРИЩ!

В одном из переулков Потсдама, примыкающих к Цецилиенхофу, мне довелось прожить несколько лет. Соседи были все люди корректные:

— Здравствуйте!

— Добрый день!

Легкий поклон. Улыбка. И двери закрывались.

А один сосед, живший как раз над нами, отличался от других. Вечерами его всегда можно было видеть во дворе. Со шлангом в руках, с лопатой. Поливал цветы, окапывал помидоры в палисаднике. Завидев нас, советских людей, оставлял работу, широко улыбался:

— Здравствуй, товарищ!

Звали его Георг Винтерер. Оказалось, что он жил в Советском Союзе. Нет, нет, не пленный. Жил до войны. Два года. Потом мы узнали, что он уроженец Вены.

Кажется, это случилось в новый, 1960 год. Мы встречали его по-московски, в 22 часа по местному времени, а потом — по-среднеевропейскому. После полуночи на лестничных площадках началось движение: соседи вышли поздравить друг друга. Вместо обычной сдержанности — широкие улыбки.

У некоторых в руках «Столичная». Предлагают тосты. У всех двери настежь.

Винтереры пришли нас поздравить и остались. Какие песни были спеты в ту новогоднюю ночь! «Тромпетер» (это наш «Юный барабанщик»), «Бандьера росса»... И вдруг Георг озорно запел по-русски:

Эй, комроты,
Даешь пулеметы!

— Георг! — воскликнули мы.— Откуда вы знаете эту песню?

И он рассказал.

Коричневая чума в Германии. 1934 год. «Фашизм не пройдет!» — заявили рабочие Вены. Против штурмовиков вспыхнуло восстание. Но сил оказалось мало. Партия приказала активистам укрыться за границей. Так венский рабочий парень, коммунист Георг Винтерер стал слесарем в Ленинграде.

— Нас было много в то время в Ленинграде,— вспоминает Георг.— Немецкие, австрийские рабочие учились говорить по-русски и работать по-советски. Пришел 1936 год. Партия сказала: «Надо бить фашистов в Испании!» «Конечно»,— ответил я. Сначала попал в Казань, в школу красных командиров. Там я и выучил песню: «Эй, комроты, даешь пулеметы!» Казанцы удивленно останавливались, когда проходил наш строй. Непонятный акцент был в песне...

Эта песня вырывалась из наших глоток, как свинец из винтовок, на горячей земле Испании.

Потом нам пришлось отступать. Контрреволюция одержала верх. Остатки республиканских бойцов спустились с Пиренейских гор сквозь коридор французских полицейских. Лагерь во Франции, гитлеровская оккупация...

Когда нас освободили в сорок пятом из Маутхаузена, мой вес был 38 килограммов вместо 75,— вспоминает Георг.

— Вы больше шести лет томились в фашистских концлагерях. Каким чудом вам удалось спастись? — спросил я.

— Партия помогла мне выжить. В каждом лагере была своя организация, благодаря которой мы были сильнее тюремщиков.

— Как же коммунисты узнавали друг друга?

— По-разному. Я, например, всегда хранил в складках одежды маленькую фотографию, где был снят в форме бойца Интернациональной бригады.

Мы поднялись в квартиру Винтерера, и он показал нам маленькую фотографию, с которой смотрело на нас молодое лицо комроты Интернациональной бригады Георга Винтерера.

После войны Георг нашел свою подругу Хермину. Она стала его женой и товарищем по партийной работе.

В тот новогодний вечер мы подружились. Я уехал из ГДР, но связь между нами не прерывается. Письма и редкие, но памятные встречи. В 1965 году Хермина и Георг Винтерер приезжали в Москву в составе делегации ветеранов партии. Мы с женой, бросив все дела, поспешили их увидеть. А в 1970 году мы принимали дорогих гостей у себя дома, в Казани. И Георг с волнением всматривался и не узнавал улицы, по которым он впервые маршировал с песней: «Эй, комроты, даешь пулеметы».

Теперь в Казани у супругов Винтерер много друзей. Незабываемой была встреча в Союзе писателей Татарии двух бойцов Интернациональной бригады — Георга Винтерера и казанского журналиста Яна Винецкого.

13 апреля Георгу Винтереру исполнилось 60 лет. Мы все поздравляем и крепко обнимаем тебя, наш дорогой товарищ Георг! Мы поднимаем вверх сжатый кулак и повторяем:

— Рот Фронт! Дружба!

И. БАДЮГИН,
доцент Казанского медицинского института

Испания, 1937 год. Георг Винтерер — боец Интернациональной бригады.

Потсдам, 1962 год. Офицер Народной полиции ГДР.

Настольная медаль волонтеров Интернациональной бригады, подаренная Георгом Винтерером в Казани автору этих строк.

ТЫ — РАБОЧИЙ, И Я — РАБОЧИЙ

Дорис, Герд и Анна Павлючкова на Красной площади.

С Гердом Захсе мы познакомились во время отдыха в Сочи. Герд — член Социалистической единой партии Германии, крановщик из города Айзенберг в Тюрингии. Сам я шофер, живу в Калуге. Жена Анна Николаевна — работник прилавка, наша дочь Лора учится в Москве на третьем курсе МИИТа. Летом 1968 года мы гостили у наших друзей в ГДР. Герд и его жена Дорис, работница мебельной фабрики, к нашему приезду взяли отпуска, и мы весело и интересно провели время. Были в Берлине, Потсдаме, Галле, Веймаре, Лейпциге. В Галле видели крупный химкомбинат, работающий в основном на нашем сырье, которое поступает по нефтепроводу «Дружба». Герд говорил мне, как заботится о рабочем человеке социалистическое государство: «Посуди сам. Я долго болел, несколько месяцев лежал в больнице. Но работу не потерял, мне выплачивали пособие, предоставили льготную путевку на лечение в Сочи. Будь я в капиталистической стране,— сказал Герд,— я бы вылетел со своим здоровьем в трубу».

Всюду, где бы мы ни были и с кем ни встречались в ГДР, мы чувствовали симпатию к нам, к нашей стране. Это и понятно. Советские люди помогли построить первое в истории Германии социалистическое государство. Миролюбие, дружба, взаимопомощь — наши общие принципы.

Летом прошлого года Герд и его жена приехали в отпуск к нам, в Калугу. Я живу в благоустроенном новом доме, имею квартиру из двух комнат. Мы очень многое в Калуге посмотрели, были в картинных галереях, в музее космонавтики, в Доме-музее Циолковского. Отлично отдохнули и загорели на Оке. Ну и, конечно, были в Москве. Столица произвела колоссальное впечатление. Моих гостей особенно поразил размах строительства. Когда мы ехали в машине из Москвы в Калугу, я остановился там, где в 1941 году проходила линия фронта, и объяснил, что здесь были сдержаны силы вермахта, а затем последовал разгром фашистских войск под Москвой.

Вот вкратце история нашей дружбы. Мы оба рабочие, наши взгляды на жизнь одинаковы. У нас есть жилье и работа, мы не боимся за завтрашний день, наши дети получают образование. И мы оба ненавидим войну, которая оставила свой след и в моей жизни и в жизни Герда. В 1941 году я окончил семь классов, дальше учиться не дала война. Фашисты сожгли дом в деревне под Брянском, где я родился и рос. Затем оккупация, трудовой лагерь, окрики и побои. Когда под ударами Советской Армии враг откатился в Белоруссию, гитлеровцы угнали нас с собой. Снова каторжный труд, голод. Затем с группой товарищей я ушел к партизанам.

— Для нас, простых людей Германии, война тоже была бедствием,— говорил мне Герд.

Я хорошо его понимаю. Потому-то, думается, мы и подружились.

С. ПАВЛЮЧКОВ

Калуга.

Сцена из спектакля «Ипполит» Еврипида.

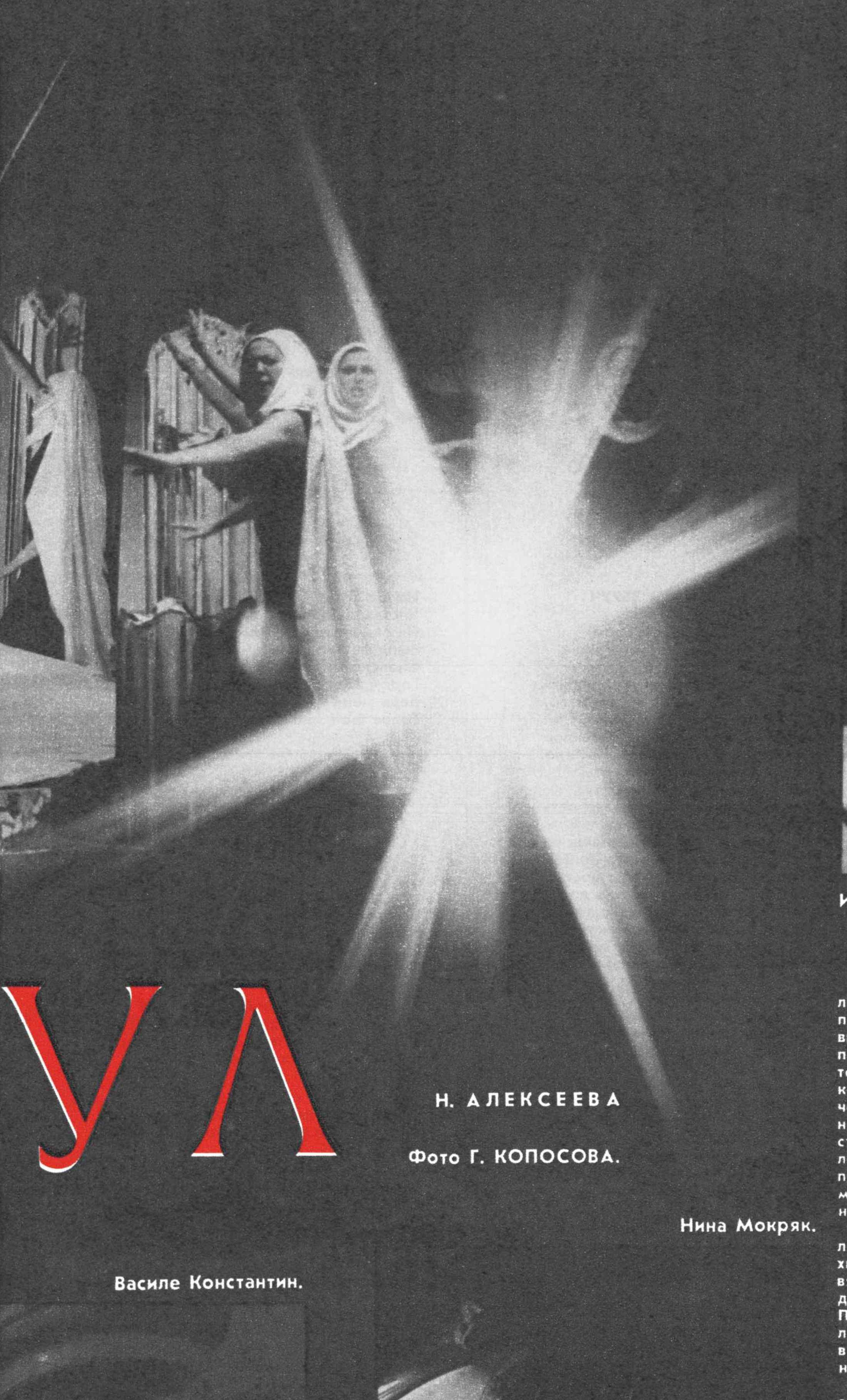
ЛУЧА́ФЕР

Еуджения Тодорашку.

Илие Тодоров и Ион Шкуря.

Ион Унгуряну.

УЛ

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото Г. КОПОСОВА.

Нина Мокряк.

Василе Константин.

До чего же разная публика в зрительном зале: тут и школьники, и студенты, и учащиеся профтехучилищ!.. Я еще мало знаю актеров, я впервые в театре «Лучаферул» и, наверное, поэтому волнуюсь: подготовлены ли зрители к тому, что предстоит им увидеть через несколько минут, когда погаснет свет и начнется греческая трагедия, в первый раз поставленная на сцене Молдавии: «Ипполит» Еврипида. Достаточно актерам и режиссеру излишне увлечься воссозданием на сцене чисто внешних примет времени — и зрители будут воспринимать постановку с трудом... Но спектакль уже начинается.

Декорация сцены — полуразрушенные колонны; верх каждой из них поочередно вспыхивает лиловым пламенем, отчего они становятся похожими на большие факелы... Да, древний мир ушел, как бы говорят развалины Парфенона,— вот это все, что от него осталось. Но чувства людей непреходящи из века в век, а потому по-прежнему близки и вам, нынешние зрители...

Кульминация трагедии и постановки наступает во втором действии, когда на сцене появляется Тезей в исполнении замечательного актера Иона Унгуряну. Реакция Тезея на весть о самоубийстве Федры поразительна: на наших глазах этот великан, этот полубог превращается в некий человеческий обломок, словно те разрушенные колонны на сцене... Пропадает величественность правителя, остается лишь беззащитность смертельно раненного человека... Любовь Тезея сильнее всех остальных чувств. И что бы ни случилось после того, как он узнает о смерти любимой, ничто не может пробудить его к жизни: душа Тезея мертва... Оплакивает его хор женщин; их сильные певучие голоса, протянутые в порыве сострадания к Тезею руки еще резче подчеркивают безжизненность героя, навсегда потерявшего силу и власть.

Постановщик спектакля, главный режиссер театра Ион Шкуря выразительно передает ос-

новной конфликт трагедии — конфликт между разумом человека и его сердцем. Кто же достоин большего сострадания, кто прав: разумный, рациональный Ипполит, Федра, разрывающаяся между супружеским долгом и любовью к Ипполиту, или же Тезей, обезумевший от своего сердечного страдания?.. Вот это и предстоит решить самому зрителю. В то же время, каково бы ни было его решение, спектакль убеждает публику, только что соприкоснувшуюся со светом античности, в главном: человеческая душа должна быть чиста...

Театр опустел, ушли актеры, рабочие сцены... Свет горит только в кабинете главного режиссера. Он читает какую-то рукопись, быть может, новую пьесу.

— Вы напрасно волновались за наших зрителей,— говорит мне Ион Георгиевич.— Вы, наверное, не знаете, что мы официально называемся «театром для юношества». Школьники — постоянные и даже необходимые для нас посетители. Они видели у нас и чеховскую «Чайку», «Коварство и любовь» Шиллера, «Бессмертную молодость» по Фадееву, «Сильнее любви» по Лавреневу, «Дом Бернарды Альбы» Лорки... Так что к «Ипполиту» они вполне подготовлены: это для них еще одна ступень в познании мира.

— На наши спектакли,— продолжает Шкуря,— часто приезжают зрители из сел и деревень. И мы во время летних гастролей бываем в самых разных районах республики! Вместе с горожанами следят за работой «Лучаферула» и люди села. Особенно из тех деревень, откуда вышли мы сами — почти вся труппа театра, подготовленная в Щукинском училище Анной Алексеевной Орочко...

Тут пошли воспоминания о том, как Анна Алексеевна ездила по молдавским деревням, разыскивая талантливых ребят, и о первых месяцах учебы в Москве. Русский язык молдаване знали недостаточно хорошо, да и обстановка была непривычная: легко ли из своих родных деревень попасть в столичное общежитие? «Выглядели мы забавно,— рассказывают они сейчас,— на ком-то платье бабушкино до полу, на ком-то широченный отцовский пиджак...»

Преподаватели училища до сих пор связаны со своей первой молдавской студией: пишут письма, приезжают в Кишинев, ставят спектакли.

Я сказала «первой» студией, потому что год назад в столице Молдавии состоялся выпуск так называемой «второй» — заочной — студии московского театрального училища. Теперь актеры театра сами набирали ребят, преимущественно в селах, и обучали мастерству вахтанговской школы... Филиалом руководил Ион Унгуряну, а педагогов присылала Москва.

Лучаферульцы гордятся своей, как они говорят, единой вахтанговской школой. Прежде всего она помогла им развить на сцене собственные индивидуальности.

Обычно о хорошем театре говорят, что в нем нет актеров, похожих друг на друга, имея в виду творческую особенность таланта, склонность каждого из актеров к определенным ролям. Так же и в «Лучаферуле». Разве похожи, скажем, Еуджения Тодорашку, превосходно играющая характерные роли, и трагичная Валентина Избещук? Или энергичный, стремительный Думитру Карачобану и лиричный, спокойный Владимир Зайчук...

Индивидуальности актеров театра настолько ярки, самобытны, что «Лучаферул» всегда может в выборе пьесы для постановки опираться на эту внутреннюю направленность своих актеров: Комиссар в «Оптимистической трагедии» — это роль Нины Мокряк, а ибсеновскую Гедду Габлер будет играть Екатерина Малкоч и никто иной...

Но с другой стороны, вахтанговская школа дала всему составу труппы то важное для нее ОБЩЕЕ, что в сочетании с интересными актерскими индивидуальностями и позволило театру «Лучаферул» выработать свой, неповторимый, особенный стиль, привлекающий отточенностью движений, пластичностью, раскованностью и свободой в выражении чувств героев. Все это видишь, скажем, в «Игроках» Гоголя — таком своеобразном спектакле, каким решил его Илие Тодоров, обнаружив глубокое творческое понимание русской классики.

...Сейчас в составе труппы театра около пятидесяти человек. После прихода молодых студийцев совсем тесно стало в небольших гримерных, в маленькой репетиционной комнатке. Ребята не пропускают ни одной репетиции, ни одного спектакля, даже если и не заняты в них. Они продолжают учиться у своих старших коллег.

Им предстоит еще очень много работать, чтобы впоследствии продолжить путь родного театра «Лучаферул»...

Кстати, это слово в переводе на русский язык означает «Утренняя звезда».

ПРОДОЛЖЕНЬЕ ЗЕМНЫХ ДОРОГ

Дмитро ПАВЛЫЧКО

ЗБРУЧ

Яворы бегут к реке с горы,
И хребтом коня лоснится нива,
Устланная смехом детворы,
Как листвой ручей неторопливый.
То, что нам веками сердце жгло,
Поросло травой и отболело,
Лишь воспоминанье, как стекло,
Острием осколка въелось в тело.
Из колючей проволоки сеть
Здесь уже не опояшет воду...
Хочется под солнцем гимны петь
Воссоединенному народу.
Мой народ! Вовек не сгинешь ты,
Не падешь, как раб, кому-то в ноги.
Потому что над Збручем мосты
Для тебя открыли в жизнь дороги.
Пусть же наши вольные края
Мучат палачей изжогой жгучей.
Где-то там за гранью, знаю я,
Спит межа, как гадина ползучая.
Изрубили мы ее — она
Лишь шипит из старой дупловины...
Утвердился в новых временах
Дух народа, дух семьи единой.
И красу Карпат вобрал Днипро,
У Славуты стали шире воды.
Высшим счастьем светит нам добро
Воссоединенного народа.
Наш народ! Не сгинешь ты во мгле,
Не сожжет огонь родного крова,
Потому что встало на земле
Стражем дружбы ленинское слово.

ЛЬВОВ, ПЛОЩАДЬ РЫНОК

Сколько мне годов? Не знаю. Стала
Память Львова памятью моею,
И вместилась в сердце моем площадь,
Где веков бушует пированье.
Вот она — как зал под сводом неба,
Здание — столом стоит в середке,
И на нем граненый кубок башни,
Временем наполненный до края.
Мостовые здесь — не твердь молчанья:
В них слышны стенания и крики
Давних битв жестоких и трагедий,
Хохот гнома, звон слезы титана.
Меч булатный князя Даниила
Выпал из руки его потомка,
Поскакали по несчастным ребрам
Экипажи всех вельмож Европы.
Бешеная сталь стучала глухо
В кости молодые, словно в доску,
Подбирали так ключи монархи,
Чтоб открыть замки ворот старинных.
Мысли их, как ржавчина, распались,
Стали паутиною штандарты,
Но открыть они не умудрились
Тайны камня города родного.
Из его души несется песня,
Чистая, как золото литое,
Из окаменевшей алой крови
Выплеснулись праздничные стяги.
Сколько мне годов? Не знаю. Может,
Город Львов, с тобой мы одногодки,
Ведь меня тревожит и волнует
Голос твой, застывший в этом камне.

ГРАНОСЛОВ

(Из цикла «Вечной памяти Максима Рыльского»)

Не ставил он перо в громоотводы,
Не слеп в объятьях молний и зарниц,
Его не видели лежащим ниц,
Ну разве что из родничка пил воду.

Рожденный Украиной, год от года
Он с именем ее шел, светлолиц,
И, поднимаясь к звездам от пшениц,
Стал грānословом своего народа.

Ему и дальше суждено идти,
Одолевать с народом все крутизны,
В стране, где в мир проложены пути,

Что не страшатся гроз и гнили в жизни,
В сединах славу наших дней нести
К векам грядущим солнечной Отчизны.

МОСТ

Весной ему река, как гильотина,
Снимала льдами голову долой,
И в августовский паводок ломали
Ему ключицы стаи мутных волн.

Подкладывали под него тротил —
И он взлетал, как змей бумажный,
в воздух...

Бывало, оставались только сваи,
Качаясь лунной тенью под водой.

Но каждый раз он снова вырастал —
В бетон быки и бревна одевались,
Стальные арки шли под облака.

Я разгадал на нем бессмертья тайну —
Мост воскресал здесь только потому,
Что продолженьем был земной дороги.

ЛЮБОВЬ

Луч золотит вечернее окно,
В нем девушка грустит за занавеской.
Плывут печаль и легкий ветерок
Сквозь облака сирени седоватой.

Летучей мышью в золоте луча
Мелькнет поодаль силуэт парнишки.
И девушка на плечи шаль накинет
И, чуть смущаясь, ступит за порог.

В саду так тихо, словно кто-то ждет.
— Ты это?
— Я.
И пролетает ночь,
Не дав словам их даже разминуться.

И парень удивляется, жалея,
Что на побеге тоненьком антенны
Рассветная звезда защебетала.

О ЖЕНЩИНАХ

Ты припомни матери голос,
Если совесть хочешь услышать,
Вспомни руки своей любимой,
Если счастье вернуть захочешь.

Малой девочке семилетней,
Что идет со своею куклой,
Даже если ты весь в сединах —
Дай дорогу...

* * *

Холмы натянули на головы рядна,
Таятся, как дети во время игры,
Лишь вьется тропинка лозой виноградной
По склону заснеженной белой горы.

Из синего леса туман, словно пена,
Ползет на сверкающий снежный накат,
А над сугробами чуткой антенной
Заячьи уши тревожно торчат.

* * *

Плащи из льда, как из нейлона,
Накинули на плечи клены,
Луна беглянкой из полона
Глядит испуганно-зеленой.

Она шныряет по дубровам,
Чтоб день в дупле пересидеть ей,
Забраться к лунооким совам —
Своим подслеповатым детям.

* * *

Снег летит, летит на нас,
Заметает след за нами...
Ты не пробовал хоть раз
В снегопад идти полями?

Сам пройдешь — и нет следа,
Вновь лежат снега глухие,
Но протопчешь путь, когда
За тобой пройдут другие.

Перевел с украинского
Юрий Саенко.

ПОСЛЕДНИЙ ПРОРЫВ

РАССКАЗ

Ф. РАСПОРКИН

Рисунки И. МИХАЙЛИНА.

...Если только написать Наде? Матери письмо он вчера отправил. Что, если все-таки написать?

...Познакомился он с Надей тут, в прифронтовой полосе.

Когда закончились бои западнее Кенигсберга, дивизию повернули на восток, к Пиллау; шли, огибая Кенигсберг, нашими тылами, и вот тут, в одной из усадеб, на полпути к передовой, остановились на привал. В одной из вилл, стоявшей на отшибе, в леске, размещалось какое-то учреждение, похожее на полевую почту. Там работали девушки. Разумеется, потянуло к ним.

Солдат, стоявший на посту, пошевелил винтовкой:

— Нельзя!

— Так уж и нельзя? Убери винтовку! Не пороховой погреб охраняешь.

Часовой улыбнулся: хуже, мол. И сам пошутил:

— Нельзя одному, капитан. Опасно.

В это время из дому вышли девчата; посмеиваются, поглядывая в их сторону. Все, как на подбор, молоденькие, интересные. В офицерской форме, погонах.

Одна хохочет — и солдату:

— Пусти капитанчика!

Другая еще более задиристо:

— Пусти, тебе говорят! Не гарем бережешь! Часовой опять отшутился:

— Пустил бы, да его жалко.

Тогда одна из них, как ему показалось, самая красивая, подбежала, притопнула:

— Капитан, капитан! У тебя ремень через плечо, прижимаешь и целуешь горячо! Так ли это, капитан? — И умолкла, растерялась.— Постойте, капитан, я вас где-то видела.— Вытаращила глаза, удивленно и загадочно.— Где?..

Урванцев усмехнулся:

— Да знаешь ли ты, что во все эти последние три года я, пожалуй, даже издали не видал ни одной девушки.

— И все-таки я вас видела,— сказала так, что ни он, ни кто другой на его месте не усомнился бы в ее искренности.

Урванцев схватил ее за плечи, приблизил к себе. Она сдвинула брови, оттолкнула его.

Он стоял, как зачарованный, молча, ни о чем не спрашивая ее. Глядел на нее и никак не мог понять, почему вдруг прихлынула грусть. Ну, решись, скажи ей чего-нибудь, скажи!

Нет! Он ничего не скажет. Лучше напишет, если останется живым.

— Девочка, вам сюда можно написать?

— Разумеется! Но только, прошу вас, не надо, не пишите...

Но когда уходил, то, глядя в ее не умеющие ничего скрывать глаза, понял: она знает, что он напишет...

И действительно, не раз порывался писать, но тут же бросал. Получат там, на почте, письмо и расхохочутся. Ишь, мол, окопный крот, влюбился! Ха-ха!..

Однако развернул планшетку, достал блокнот и решительно вывел: «Надя!..»

Неподалеку разорвалась мина, и в землянке заколебалось пламя, забегали тени. Отодвинул лист и будто наяву увидел Надю. Взгрустнул. Убьют — и тогда к чему письмо?..

Внезапно тишина треснула от взрывов, окрест все озарилось. Он вздрогнул, упал на дно землянки, придавленный каким-то незнакомым воем, срывающимся с неба. Почувствовал, как что-то тяжело вонзилось в землю, взрывая и разметывая ее, потом стали рушиться стенки землянки, и он поспешил переползти в щель. А земля тряслась и охала от невиданной силы взрывов.

Падали не бомбы и не мины шестиствольных, эти-то он знал. Догадался: от моря сюда бьют дредноуты. Но почему раньше, до этого не били?..

Мелькнула мысль: наверняка узнали о нашем наступлении. Бьют-то куда! По сосредоточению танков. Или же сами, ошеломив нас корабельным огнем, нанесут контрудар? Огонь открыт за сорок минут до нашего наступления — это о многом говорит!

Урванцев понял, что ему надо, ни секунды не теряя, бежать к танкам; и он побежал, сначала к Степанову: «За мной!» — и помчался дальше, то падая, то поднимаясь. Степанов бежал следом и тоже нырял при каждом взрыве, хотя снаряды и падали далеко. Но все едино было страшновато, особенно от клекота, разверзающего высь; он давил и плющил к земле.

Однако тут же выяснилось, что всего-то и страху, что грохот в поднебесье. Сами взрывы, хотя и страшенной силы, не так губительны. Снаряды глубоко зарывались в землю и почти не давали осколков.

— Погоди, Степанов. Чего мы падаем? Пугаемся? От морских снарядов, сам видишь, мелких осколков не бывает, а больших мало.— Еле сдерживая смешок, добавил: — Но зато, ежели зацепит, считай, что ты в раю!

К танкам добежали за несколько минут — перед началом нашей артподготовки. Стволы у пушек, густо натыканных в глубину и по фронту, уже были подняты, и артиллери-

---

Окончание. См. «Огонек» № 22.

сты, несмотря на вражеский огонь, подносили снаряды.

Тут же, освещая все поле и рощу, металось пламя. Горело несколько танков, очевидно, прямое попадание.

Но танков было много. Они оставались еще замаскированными, а из выхлопных труб уже курчавился дым. Прогревали.

Урванцеву нужен был «23», командирский! Нашли его без особых усилий, так как знали примерно, где он стоял. На башне сквозь ветки белела цифра «23». Внутри шумел мотор, и всю его стальную коробку слегка трясло. Но люди, в том числе и майор, командир батальона, сидели в ровике, и это несколько удивило: обычно, как он слышал, танкисты прячутся под днищем своих машин.

Майор, кажется, казах, с заметной косиной в глазах и мягким акцентом, воскликнул:

— Наш десант? — и позвал их к себе: прыгай-де в окоп.

Урванцев, а вслед за ним и Степанов влезли в окоп, мелкий и широченный, как яма. Урванцев не удержался, заметил:

— Окоп? Это же могила,— и доложил, как и положено, что прибыл к танкистам для участия в прорыве. Тут же поправился: — Прибыл в ваше распоряжение, товарищ майор!

— Что ж, будем друзьями,— ответил казах вместо обычного «будем знакомы», и протянул руку: — Тульсен Толубов.— Спросил: — А ты кто? Дмитрий! Хорошо! А солдат?

— Степанов!

— Отлично. Теперь у нас интернационал. Казах есть, русский есть, украинец есть.— Майор указал на механика-водителя, сидевшего в танке, смуглого, как цыган, парня.— Молдаван. Танк упорно называет «каруцей», по их, значит, телега. Капитан, разве танк телега?

Урванцев улыбнулся:

— Телега?

Майор взглянул на часы, воскликнул:

— Сейчас начнется!

Почти разом ударили орудия всех калибров — от полковушек до тяжелых мортир и гаубиц; воздух треснул и метнулся волной упругой, горячей. Казах приник к стенке окопа, прижал ладонями шлем к ушам. Урванцев, чтобы не оглохнуть, раскрыл рот, а молдаванин выскочил из танка, вытянул шею и восторженно, сияя глазами, глядел на гигантские сполохи и пляску огня.

И вот наконец раздались залпы «катюш» местах в тридцати разом. Огненные стрелы прочертили небеса, и в тот же миг в ближнем тылу врага от их сплошных разрывов стало бело, как днем, а гул, донесшийся оттуда, заглушил орудийную канонаду.

Теперь уже не один молдаванин, а все глядели туда, где плясал огонь... У майора блестели глаза, сидящие в узких, будто прорезанных щелках, он поцокивал языком, восклицал: «Корош!» Он был явно доволен, так как «катюши» своим огнем накрыли именно ту полосу, куда ему указано вводить в прорыв свой батальон. Майор молод, но, видать, тверд и умел, иначе кто бы ему доверил командовать танковым батальоном, в котором несколько десятков броневых машин. И фигурой был статен — в кожанке и шлеме, в начищенных до блеска хромовых сапогах выглядел щеголем; воротничок и тот белел, как у дипломата. Будто не в бой собрался... Урванцев отметил и еще тысячу достоинств у майора, поинтересовался:

— Кадровый?

Да, кадровый. Успел повоевать механиком-водителем на Халхин-Голе. Сам из Кустанайской области, там, в степях, и по сей день живут мать, трое братишек и сестра-кызым. Виделся с ними в мае 1942 года — после госпиталя заезжал. Тюльпаны цвели и ковыль... Танкист слегка взгрустнул, развернул планшетку и извлек оттуда книжицу «БУТ» (боевой устав танковых войск), в которой лежал тюльпан.

И еще заметил Урванцев в книжице фотографию молодой казашки:

— Сестра?

Майор отрицательно качнул головой: нет, мол...

Все это среди грохота и огня казалось чудом. Тюльпан! Как он его бережет! Три года бережет.

Грохот усиливался, в небе появились эскадрильи наших «петляковых», а еще через минуту пошли над самой землей «ИЛы» — штурмовики.

Теперь пора и танкам! Майор посмотрел на часы и стал зорко всматриваться в ту сторону, где размещался КП корпуса. Он ждал сигнала — три красные ракеты.

Командиры рот, взводов и танков тоже наблюдали; все было расписано и уяснено. Батальон Тульсена Толубова идет первым, сметая все на своем пути. Справа и слева уступом пойдут два других батальона; будут рвать оборону врага и другие полки. Основные же силы корпуса двинутся вслед за ними в уже протараненную, по возможности расширенную дыру. Лавиной, нацеленной вглубь, к морю. Увидеть бы среди этой могучей танковой армады ее командира. Каков он в этой стихии?..

И вот наконец взвились три красные ракеты; во всю мощь взревели танковые моторы, захлопывались люки.

Майор, вскочив на корпус танка, крикнул замешкавшимся Урванцеву и Степанову:

— Влазь!

Артиллеристы вскарабкались. Тульсен улыбнулся:

— Мой танк счастливый. Пятнадцать дней воюю на нем.

Люк захлопнулся, и танк прыгнул вперед. В самый последний момент Урванцев увидел, как пехота его дивизии «седлала», по выражению Ратибора, танки. Мостились, как воробьи.

А вон и сам Ратибор; он ехал в танке, высунувшись по грудь из дыры. Смешновато выглядел комдив, он куда-то указывал, отчаянно жестикулируя.

Тем временем Степанов включил рацию и связался с батареями. Доложил:

— Связь установлена!

Танк мчался, ныряя по рытвинам. Его трясло и швыряло, и стоящим сверху нужно было вцепиться в железо, чтобы не слететь.

Степанов, недолго думая, привязал себя к поручню ремнем: «Теперь не сбросит».

Урванцев повернулся вправо, влево, назад и от восхищения замер: всюду, сверкая гусеницами, двигались танки. Сотня, а то и больше!

Зрелище захватывающее! Оно опьяняет, зовет вперед, и ты забываешь о страхе.

Урванцев даже пожалел, что в его руках нет сейчас знамени. Лучшего места, чем на мчащемся танке, для него нет! Все в нем вспружинилось, запело, и он почувствовал свою нужность здесь, на танке. В его руках пятьдесят орудий, готовых в любой момент открыть огонь.

Танки прошли наш передний край и с ходу врезались во вражескую оборону; она молчала, подавленная артиллерией.

Не было огня и со второй линии вражеской обороны. Лишь когда вглубились километра на три, а их прошли за минуты, стали рваться среди танков снаряды; летели, вихря воздух, и болванки.

Били явно «фердинанды», и Урванцев оробел: эти наделают вреда. И действительно, мгновенно оказались просверленными три танка, один из них тут же взорвался. Урванцев, выглянув из-за башни, уловил наискось от себя три коротких пламени: «фердинанды»! Скомандовал:

— Пятая, квадрат шесть, беглым, огонь!

Секунд через сорок разрывы накрыли цель. Теперь он не сомневался: все подсчитано на карте и увязано точно!

Вслед за этим он так же быстро засек и поразил еще три цели. Огонь врага становился плотнее, и осколки от снарядов, особенно тех, что рвались впереди, секли и их танк. Радист Степанов прижался к башне, боясь, как бы не сразило его. Что тогда делать без связи?

Сам тоже старался зря не высовываться. Иногда открывал огонь, не видя цели — по квадратам, и заметил, как танки пошли увереннее.

От взрывов глохнешь, но это не самое страшное; вот скрежет и лязг гусениц — музыка похлестче; она будто сверлит тебя от ног до головы, трясет всю плоть; и Урванцев в первые же минуты испытал на себе всю их истязающую силу. От солярки тоже кружилась голова и поташнивало.

Танк между тем шел вперед, то кренясь, то подпрыгивая, и тех, кто находился на нем, бросало, как на решете. Урванцев, чтобы не слететь, раскорячился, уставив ноги в какой-то железный изгиб, и неотрывно смотрел вправо, где в редком лещиннике что-то подозрительно зашевелилось. В то мгновение, когда он увидел там орудийный ствол и вырвавшееся из него лиловое пламя, по броне башни чиркнула пуля. Свинцовые брызги обожгли ему глаза, но он успел определить координаты вражеской батареи, скомандовать:

— Квадрат восемь, двести снарядов, беглым, огонь!

И от сознания того, что батарею врага разметает огневой смерч, в нем забилась трепетная радость. Кажется, он выполнил свой долг перед танкистами. Продержаться бы еще полчаса! На мгновение коснулся ладонью лица, приоткрыл опаленные веки. Увидел краешек неба.

Оно было оранжевым, в гари и дыму. Вот уж воистину зеркало! Видны все деяния земные.

Еще раз взглянул на небо и сжался, прилип к броне. Оттуда, из оранжевой выси, прямо на танки гребешком шли «юнкерсы». Штук пятьдесят, не меньше. Если сейчас они спикируют — пиши пропало! Бомбы лягут точно в цель; и они спикировали, бросив уйму фугасок.

От взрывов вздыбилась земля. Танк, на котором стоял Урванцев, тряхнуло, он остановился, но тут же опять рванулся вперед, но лязга, хотя и мотались гусеницы, он уже не слышал; оглох, что ли?

Все это: и бомбежка, и встряска танка, и контузия — промелькнуло в какие-то считанные секунды; он очнулся и вновь, как и минуту назад, искал в лещиннике вызванный на вражескую батарею свой огонь, но его не было. Помедлив секунду, крикнул:

— Степанов! Повторяю... Квадрат восемь...

Но Степанов ничего этого не слышал: раненный осколком, он припал ничком к броне, едва дыша. Если бы не ремень, которым был привязан к поручню, его бы уже потерял танк.

Урванцев пододвинулся к нему, бросил коробок от разбитой рации, увидел капли крови на броне, уложил поудобнее, чтобы не расколотило голову, и опять нашел вражескую батарею; она, не поднимая стволов, била по танкам. Вбок, прямой наводкой. Он артиллерист, знает, сколько можно нащелкать танков из засады.

Что есть силы забарабанил по люку, и крышка чуточку приоткрылась. Но высунуться голове не дал, надавил на нее, как на поплавок, воскликнул:

— Справа батарея!

Майор все же поднял голову, кинул взгляд туда, куда указывал Урванцев.

— Сейчас!

Повернул по рации на батарею три идущих следом танка, чтобы хоть их ценой спасти десяток других, а свой танк погнал дальше, в голову строя.

Что же ему, Урванцеву, делать на танке? Решил взять раненого Степанова и спрыгнуть, чтобы затем присоединиться к пехоте. Там и батарея.

В этот момент внизу тяжело звякнуло, танк круто занесло, слетевшая гусеница взвилась, встала на ребро. Степанова, чтобы не стукнулся, успел придержать. Затем стащил, перевязал рану. Она воспалилась, вспухла, и болела, но Степанов терпеливым оказался, не жаловался, просил только пить.

Экипаж взялся прилаживать слетевшую гусеницу. Она не поддавалась. Но орудовали хлопцы ловко и быстро — ломом, молотом, перебрасываясь словами: «звено», «палец», «ленивец»...

Украинец пошумливал:

— Кожухарь! Ось, гляды, як треба зачеплять! — и удачно бросил ленту на зубья звездочки.

А танки, объезжая их, шли и шли. Это были главные силы корпуса, им теперь катить, если не остановит враг, до моря.

Майор не то чтобы нервничал, а рвал, что называется, на себе волосы. Отстать! Худшего не придумаешь.

Минуту погодя к ним, странно кособочась, подкатил весь в черной гари танк; в боку зияла дыра, а сбитый с места ствол чуть ли не пахал землю. Угораздило же!..

Майор узнал (а как, осталось загадкой для

Л. Чичкан (Киев). МУЗЫКА.

Выставка «Изобразительное искусство Украинской ССР».

Л. Лабенок (Симферополь). ПАПА.

Выставка «Изобразительное искусство Украинской ССР».

Урванцева) машину своего батальона, кинулся к водителю.

— Как там?

Водитель, лет двадцати, не больше, весь в копоти, сказал:

— Давил их проклятую батарею!.. А потом из одной последней пушки шарахнули в упор... Очнулся — и не пойму, где я. Правда, для верности пошевелил левым фрикционом — и капут, капут им... А ребята, мои ребята, оба... убиты. Лейтенант — совсем малыш! Восемнадцати не было. Три дня, как принял танк.

Их, обезображенных, в изорванных куртках, извлекли из танка. Майор, обернувшись к Урванцеву, сказал:

— Оставляю на тебя. Похорони! — Вскочил на танк, приказал водителю: — К батальону!

А канонада справа усилилась; снаряды рвались густо, обмолачивая тылы прорвавшегося корпуса. Понятно: враг решился на отсекающий удар. Если пустит в этот момент свои танки, худо придется и тем, кто прорвался, и тем, кто засел здесь, в обороне.

Засел! Не то слово. По существу, пехота еще не села на фланге, она только что подходила... Правда, на машинах. Тут же разворачивалась и зарывалась в землю. Артиллерия тоже занимала позиции вертко, с ходу открывая огонь. Стало веселее.

Урванцев, как и было условлено, двинулся к месту, где должна занимать позиции его батарея, и нашел ее там — окапывалась уже. Степанова передал медсанбату, для танкистов выбрали заметное место и похоронили. Знал Урванцев, что майор обязательно будет искать могилу, если, конечно, сам останется в живых.

Бой закипал невиданной силы; немцы, придя в себя от тарана, навалились, чтобы наглухо отрезать корпус танками. Они шли, не считаясь с потерями. Смять, раздавить все, что противостояло,— такова, очевидно, была их задача. Это был слепой таран, и тем он был страшен.

Танки шли почти не развертываясь, колоннами; и это был с их стороны очень правильный маневр, потому что наша оборона была пока что неглубокой. Тарань смелее — и прорвешься. Именно на это и рассчитывал враг.

Две или три атаки, очень сильных, уверенных, были все же отбиты; тут и там горели фашистские танки, бронетранспортеры. Валялись убитые, раненые...

В дивизии тоже были потери, но она держалась. Держалась, конечно, на огневой мощи поддерживающей ее артиллерии. Не зря же управление ею взял на себя сам Ратибор; он связался с артполками и даже с дивизионами. Урванцев никогда еще не видел его таким — решительным и властным. Он ни на минуту не покидал своего танка, бросаясь на нем в самое пекло. Когда он подкатил и на его батарею, Урванцев почему-то подумал: «Не к добру это». Посоветовал:

— Товарищ генерал, бросили бы вы эту штуку. В земле, в окопе надежнее...

— Нет уж! Раз оседлал — не слезу.

Старый генерал явно был растроган советом Урванцева, с теплотой взглянул на него. «Переживают-таки за своего генерала»,— подавил волнение.

— Инфантерии, как таковой, теперь не существует, понял, молодой человек? Век моторов, колес и гусениц...— И перешел к делу: — Вот что, капитан. Противник сейчас вновь полезет и танками и пехотой. Другого выхода у него нет. Он меж двумя нашими танковыми корпусами, как между жерновами. Попрет очертенело на нас. Мы отобьем атаку, ну и что? Уже отбивали. Нужно сломить его волю. Деморализовать! А как, не подскажешь?

Урванцев усмехнулся. Он знал Ратибора. Когда он этаким образом говорит, не сомневайся, уже решение принято. Так оно и было.

— Когда враг сунется, два наших полка контратакуют его. Отбросим, и он уже больше не кинется. Я слово дал танкистам...— Приблизил к себе Урванцева, указал: — Гляди! Вон усадьба в сосняке. Когда мы кинемся в контратаку, ты сразу же волоки свои пушки туда!..

Урванцев на мгновение замешкался, произнес:

— Есть, товарищ генерал!

— Есть?! — передразнил его генерал, покачав головой.— Легко сказать «есть»! Не гимнастерку тебе приказал заправить получше... Счастье твое такое — получать одно задание опаснее другого. Я, как бы тебе сказать, и подъехал к тебе, чтобы объяснить, что, ежели твои пушкари не выдвинутся к тому дому, пехота погибнет.

Коротко спросил, как было на танке. Не зря ли рисковали? Нет! Ну, что же, и танкисты довольны твоей работой.

Ей-богу же, чудак генерал! Ехал под огнем, мог и погибнуть. Приказал бы по телефону, кто бы ослушался! К тому же разве это дело генерала? Есть командир полка, начарт.

Теперь уж далеко впереди, там, куда пробился танковый корпус, гремел бой; туда летели «ИЛы» — очень тяжелые, нагруженные и с ревущими моторами; и стаи истребителей — «ЛАГов», «МИГов». Веселенько, наверное, там!

Смотря им вслед и понимая, что там идет главное сражение, капитан с горечью подумал, а потом и сказал вслух:

— Кто же мы теперь? Дивизия прорыва или?..

Генерал посмотрел на него, сердито сказал:

— Как назовет завтра Верховный в приказе, так будем зваться...

И укатил на оставлявшем дымок танке. Взгрустнул капитан — увидит ли он еще этого милого старика? Надеется-таки попасть в приказ...

Немцы, очевидно, заметили их — и танк и батарею, но открыли огонь с запозданием. Зато били бризантными снарядами, рвались они над головой, доставая осколками в окопы. Мастера эти немцы! И в земле нету спасения.

Урванцев приник к стенке наскоро отрытого окопа, ожидая, что же будет дальше. Конечно, пойдут в атаку. Мы навстречу.

Бой будет жестоким. Истребляющим. Исход трудно предвидеть.

У него в батарее и без того осталось из четырех две пушки. И в расчетах по три человека. С ними он и должен совершить чудо! Спасти пехоту. Не смешно ли! Эх ты, Ратибор! Лучше бы уж и не затевал контратаку. Чем она кончится, кто скажет? А что, если фашисты специально выманят нашу пехоту, а потом проутюжат танками? Не приведи бог увидеть такое.

Постой, да ведь Ратибор учел это. Ведь он как сказал: «Не выдвинешь пушки — пропадет пехота». Это, конечно, он имел в виду танки. Танки, танки!..— как все это осточертело. Проклятый Адольф понаделал их столько, что и не перебьешь все. Не откажешь ему в умении делать войну. Мастер, изобретатель! Хотя не он первый: тевтонцы-рыцари тоже шли в броне.

«Все возвращается на круги своя?»

Не позавидуешь, право, человечеству. На что ушли его силы, его умственные способности? На то, чтобы к рыцарским доспехам приделать мотор и гусеницы. Лучшие умы и силы народов отданы этому.

Что же будет впереди? Гитлер вон опять грозится каким-то «новым оружием». Не успеет.

Но ведь могут найтись другие маньяки. Ученых заставят. Вопрос в том, как поведут себя сами народы...

Через минуту небо снова было оранжевым, а окопы засыпало осколками; все кругом шипело и плясало, и солдаты вовсе прижались. Один из них, сидевший напротив, в другом углу окопа, испуганно вытаращил глаза, вскрикнул:

— Пропали, посекеть он нас тут...

Урванцев хотел подбодрить солдата, но вдруг услышал за спиною голос:

— Ты чево, Сенька, мать твою так, ввинчиваешься, как штопор в стену...

Урванцев хорошо знал говорившего. Родом он из Сальских степей — колхозник Феофан Артюхов. Воюет с зимы сорок второго, и все заряжающим. Степенный вроде бы человек, но на язык прыток. О немцах рассуждает посвоему.

— Что ты мне о них толкуешь,— обычно говорит он.— Знаю я их. Умный народ.— И рассказал, как в тридцатом году в колхоз из немецкой концессии привезли семена ржи. «Круп-Маныческая» называлась та рожь.

— Колос в четверть, а зерно...— Артюхов развертывал ладонь, клевал по ней загнутым пальцем.— Не поверишь, как у горновки. Опять же гранату с длинной ручкой кто изобрел? Немец. Наша от силы летит на двадцать метров, а он свою швыряет на сорок, десятками бьет нас, дураков.

Словом, не любил слушать тех, кто хаял немцев, как солдат. «Ты их бей!» — говорил он степенно, скручивая цигарку. Трусов не щадил, убивал их словом. Вот и сейчас он навалился было на сробевшего Сеньку, по сути, неплохого вояку. Урванцев поспешил ему на выручку:

— Послушай, Феофан, зачем же обижаешь?

— Пускай не визжит...

— Да ведь страшновато иногда бывает.

— Пустяки!

— Нет, не пустяки. Я и сам, если хочешь знать, испугался.

Феофан недоверчиво покосился: намеревался еще что-то сказать, но рядом шкваркнул осколок, Феофан метнулся в сторону да так и застыл с разинутым ртом.

Сенька тут как тут:

— Ну и герой!

Все засмеялись. А Феофан, будто ничего не произошло, выколупал из стены осколок, повертел в руках, сказал:

— Гляди, Сенька, рваный он какой! — и добавил: — Немец, он специально делает такую сталь, чтобы с зазубринами получалась. Она более ни на что не годится — ни на лемех, ни на колесо. Специально, чтобы животы наши рвать. Умно ведь, а?

Так и похваливал Феофан немцев. А в мешочке хранил сорванный с убитого им офицера железный крест и отобранное у пленного эсэсовца латунное кольцо с изображением скрещенных костей и черепа. Берег для колхозного музея. Какую-то особую страшную ненависть в себе таил к врагу Феофан да и в бою был лют. Ох, как лют!

Однажды, когда под рукой уже ничего не было, сгоряча схватил снарядище и вонзил в фашиста. Только крякнул. Когда разгоралось дело, зимой, хоть тридцать градусов мороза, все равно скидывал шинель и заряжал пушку так, что со спины пар валил. Автомат. В такие минуты к огневой не подходи...

Как-то в разговоре Урванцев возьми да и спроси, почему он такой злой против немцев. Нет, не против немцев. Фашистов — да! А всетаки почему?

Оказалось, когда фашисты заняли его хутор, вывели они на площадь «активистов», а попросту говоря, колхозников и оказавшихся здесь же беженцев-евреев, и стали учинять расправу. Поставил один из немцев пулемет, навел и подзывает к себе парнишку, его сына. Этак пальцем манит: «Ком, ком!» Уложил за пулемет и показывает на спуск: нажми, мол: «Тук-тук-тук!»

Парнишка, хоть и мал годами был, а сообразил, бросился от пулемета. Фашист догнал и палашом чуть не пополам рассек.

Урванцев прислушивался к бою и поглядывал на загадочного Феофана, все еще вертевшего в руках осколок. Отчетливо и ясно вспомнилось, где и когда тот эту трагедию о своем мальчонке поведал. На Матвеевом кургане. Вот так же сидели у орудий в окопчике. Помнится еще, немцы тогда сделали короткий артналет на батарею, два или три снаряда перелетело за орудия, и один из них, как на грех, зацепил ветку клена, разорвался вверху, но искалечил сразу трех кавалеристов. Ночью, оказывается, эскадрон подошел. Да какой там эскадрон, одно название, от него и осталось человек сорок. Всю зиму ведь наступали, тащились по калмыцким степям.

Казак на коня — и на батарею. Выхватил саблю — и на Урванцева: «Отсеку! Мать-перемать, из-за вас все... Почему не маскируешь орудия? — Затуманились глаза казака, упал седоватый чуб на перекосившееся в горести лицо.— Каких казаков потерял, с гор, от самого Моздока вел».

Феофан — их земляк, глубокой болью отозвалось все это в нем, тогда-то он и раскрылся.

Потерять сына, конечно, трагедия. Убил фашист, а отсюда, естественно, вывод.

«Но главное не в этом,— рассуждает Феофан,— ведь фашист сам мог нажать на спуск пулемета. Так нет же, он хотел это сделать детскими руками, чтобы привязать к своему преступлению душу мальчонки. Мол, будь и ты убийцей! Как и он сам, людоед».

Феофан между тем по-прежнему занимался своим осколком, вертел его так и сяк и нако-

нец взглянул на задумавшегося Урванцева, достал свой мешочек, положил туда осколок, сказал:

— А вас, товарищ капитан, поскольку вы мой командир, прошу выдать подтверждение, что данный отвесок предназначался именно мне... В музей отдам. Иначе как поверят, что я в разных переплетах побывал...

Сенька хихикнул:

— Нашел, Феофан, реликвию! Хошь, целый мешок насобираю тебе осколков. Вот ежели бы ты его в ягодице принес...

Феофан приподнялся на локте, ухмыльнулся, глядя на Сеньку, явно собираясь ответить ему посмачнее, но вдруг изменился в лице, цикнул:

— Т-сс...

Приподнялся и Урванцев — тоже уловил в канонаде новый гул. Шли танки, конечно. Но далеко и в стороне.

Тревожно зазуммерил телефон. Наблюдатель доложил:

— Танки. Идут на третью батарею.

— К орудию! — скомандовал Урванцев и еле успел схватить за плечо безрассудно рванувшегося Феофана. — Куда? Ползком! — И, показав усадьбу, добавил: — Если со мной что случится, то знай, когда наша пехота контратакует — пушки туда, понял?

Бой был скоротечным; остановив огнем атакующих, Ратибор бросил им навстречу свои два полка, смял и опрокинул противника. В течение каких-нибудь двадцати минут пехота заняла усадьбу и прилегающую к ней рощу.

Урванцев, как и приказывал Ратибор, выдвинул туда обе свои пушки. Успел вовремя, так как сразу же на нашу пехоту ринулись стоявшие в засаде танки...

Двумя пушками, конечно, не остановишь их, но важно, что они были тут, среди пехоты.

В самый критический момент появился Ратибор. Ползком добрался, с ротой автоматчиков. Отдышавшись, сказал:

— Да, прижали они нас... Своим счетом видел двадцать танков.

Говорил он, как всегда, спокойно, и это раздражало. А потом, что это за манера? «Своим счетом видел». Сказал бы: насчитал двадцать танков!

Но, однако, не такой уж он был простак. Свой командный пункт он развернул моментально, установил с полками телефонную связь, срочно вызвал «иптап» [1]. Урванцеву же сказал:

— Видишь, для чего твои мортиры сюда поставил? Мой штаб оборонять, понял?.. — Добавил: — А ты знаешь, все вы знаете, что там, где я, там и знамя дивизии.

У Урванцева упало сердце. Неужели он в самом деле взял его сюда? Это...

Между тем бой уже переместился в рощу, немецкие автоматчики даже просочились к усадьбе. Воздух жутко пел — пули впивались буквально в каждый предмет. С блиндажа комдива кто-то с тревогой спрашивал:

— Сергеенко, где «иптап», где «иптап»? Развертываешь? Молодчина! Уничтожь танки.

«Дела не так уж плохи», — подумал Урванцев и, чтобы проучить прорвавшихся автоматчиков, приказал шарахнуть по роще шрапнелью.

— Шрапнелью, беглым! — Он, очевидно, собирался еще что-то скомандовать, но схватился за шею и упал, не успел. «Кажется, конец», — только и мелькнуло.

Он силился зажать рану ладонью, но из этого ничего не получалось; она обильно сочилась, и он почувствовал, как липла к телу мокрая и горячая рубашка.

Лишь на какие-то секунды приходило потом просветление. Он слышал, как подползли к нему санитары, втянули на носилки и поволокли. От боли вскрикивал, ругался:

— Вы, что же это, мешок тянете? — допытывался: — Где Ратибор? Остановлены ли танки?

Его внесли в тот кирпичный дом, который ему приказал Ратибор занять, и он узнал залу, куда всего лишь на минуту забегал, когда занимал огневые позиции. Как и тогда, в том же углу, жались перепуганные немки, одна помоложе, лет тридцати, другая же в летах — седая. Не успели убежать.

Санитары перевязали ему рану и ушли; он с опаской посмотрел на немок, вспомнил костел и старуху с крестом, подумал: «Придушат!»

Резко повернулся за пистолетом, толкнул что-то в ране и впал в обморок. Но и в этом состоянии слышал, как грохотали уже рядом, почти в доме, автоматные очереди. Прорвались-таки... Тут уж и мертвый поднимется. Очнулся, пошевелил веками и обомлел: к нему от двери прыгнул в обгорелом кителе и танкистском шлеме немец, держа впереди автомат. Дал очередь, но в лихорадке не попал, пули отчаянно близко прошумели. В то же мгновение увидел, как к солдату, чуть не сбив его с ног, метнулась немка, та, что помоложе, вцепилась в автомат, отводя от груди Урванцева трясущийся ствол.

«Ты что, свинья, сдурела?..»

Так они боролись минуты три; немец сопел, безжалостно бил женщину коленом в живот, пытаясь отнять автомат. Это были страшные для него минуты, но, пожалуй, и счастливые — их хватило, чтобы изменить в мыслях многое...

---

[1] Противотанковый полк.

ДАВНИЙ И ДОБРЫЙ ДРУГ

Летом 1931 года в глухой сибирской деревне мужики спешили в избу-читальню. Мы, дети, тоже спешили туда в надежде увидеть и узнать что-то интересное. Но нам велели сидеть тихо и не мешать,— оказалось, народ собрался потому, что был получен двенадцатый номер «Крестьянки», который открывался статьей Максима Горького «12 миллионов 838 тысяч хозяйств в колхозах».

Шла коллективизация, дело неслыханно новое, ломавшее весь уклад крестьянской жизни. А. М. Горького знали, читали его книги крестьяне таежной сибирской деревни, которые десятилетиями жили рядом с политическими ссыльными. Деды этих крестьян дружили с декабристами.

М. Горький обратился через журнал «Крестьянка» с пламенными словами к людям, для которых колхозы несут «действительное освобождение крестьянства из плена каторжной, нищенской, темной жизни, которая тысячелетия держала его в положении человека низшей расы». В коротком, но пламенном обращении А. М. Горький рисовал картину новой жизни, которую принесет с собой в деревню коллективизация, рассказывал об ожидаемых изменениях в труде, быте и общественном положении крестьянки: «В старом быте, при единоличном хозяйстве, баба перегружена работой стряпухи, прачки, швеи, пряхи, скотницы, няньки своих детей,— новый быт должен освободить и освободит ее от этого непосильного труда».

Судили и рядили мужики. Читали и перечитывали передовую Горького. Такой человек напраслину не напишет. Значит, колхозы — это действительно новая жизнь. Журнал «Крестьянка» к этому времени тоже завоевал авторитет в деревне, ему верили. Часто в журнале выступали руководители партии и государства.

«Крестьянка» — один из немногих наших журналов, у которого точный адрес. Этот адрес указал председатель ВЦИК Михаил Иванович Калинин в своем обращении к крестьянкам Советской России, опубликованном в первом номере журнала в 1922 году. С этого номера, с этого обращения началась пятидесятилетняя жизнь «Крестьянки». Это обращение М. И. Калинина было не единственное, он внимательно следил за журналом, выступал в нем с приветствиями, статьями. Читательницы журнала также с глубокой благодарностью вспоминают активного автора и доброго друга Н. К. Крупскую.

Простыми, точными словами, понятными каждой малограмотной женщине, писала Н. К. Крупская в 1925 году о том, чему учил Ленин крестьянок, к чему он их призывал. Главный из этих заветов — учиться грамоте. Ленин, Коммунистическая партия звали крестьянку к просвещению, к дружному совместному труду.

С первых же лет издания журнала появились селькоры, женщины, которые не очень были сильны в грамоте, но хорошо знали жизнь деревни, знали беды и нужды ее. Евдокия Михайловна Борисова, крестьянка из села Бессоновка, Пензенской губернии, в 57 лет начала учиться грамоте, хотя семья у нее была девять человек. Кулаки сожгли избу Борисовой, но и это не испугало ее, она становится активным селькором «Крестьянки», членом сельсовета, потом членом губисполкома. Борисова была делегатом Всесоюзного съезда Советов.

Перелистывая пожелтевшие от времени номера «Крестьянки», видишь, как много хороших, известных писателей сотрудничало в журнале. Автор романа «Ташкент — город хлебный» А. Неверов с 1922 года и до конца своей жизни был неутомимым сотрудником журнала и, главное, вел большую работу с начинающими селькорами. Здесь печатались Ф. Панферов, Л. Сейфуллина, А. Серафимович, А. Твардовский — все имена даже трудно перечислить.

В наши дни «Крестьянка» из номера в номер рассказывает о передовых труженицах наших республик и автономных областей, активно вмешивается в жизнь села, входит в интересы своих многочисленных читательниц (тираж журнала превышает шесть миллионов экземпляров).

С 1964 года журнал организует встречи женщин-механизаторов, где присутствуют ведущие конструкторы сельскохозяйственных машин. На этих встречах-семинарах женщины-механизаторы проявляют поразительную техническую грамотность, и конструкторы заводов сельскохозяйственных машин прислушиваются к их мнению, тщательно знакомятся с их замечаниями.

Несколько лет существует в журнале рубрика «Клуб женщин-механизаторов имени Паши Ангелиной». Из писем читателей известно, что этот клуб пользуется большой популярностью у сельской молодежи. Трудно перечислить даже главные вопросы, которые поднимает журнал на семинарах и встречах с передовыми людьми колхозов и совхозов. Так, вместе с ЦК комсомола, Министерством сельского хозяйства СССР и ВДНХ был проведен семинар на тему «Жить молодежи в селе». Широко обсуждался на страницах журнала проект Примерного Устава колхоза.

«Крестьянка» стала одним из инициаторов Всесоюзного смотра совхозов и колхозов на лучшую организацию работы сельских дошкольных учреждений, объявленного в 1966 году. По желанию родителей, работников яслей и садов, с января этого года смотр возобновился. Сейчас на повестке дня переход от сезонных детских учреждений к постоянным, круглогодичным — это очень важно для доярок и женщин-механизаторов.

Так журнал подсказывает, убеждает, на чем следует сосредоточить внимание, какими проблемами следует в первую очередь заниматься, какие коренные вопросы волнуют женщин-тружениц колхозов и совхозов.

Нельзя, когда разговор идет о женском журнале, не отметить, какую помощь он оказывает хозяйкам, давая из номера в номер разнообразные бытовые советы.

Любимому журналу женщин села исполняется полвека. Но «Крестьянка» по-прежнему молода и работяща, как и миллионы ее читательниц, которые в своих письмах благодарят ее за то, что она помогает осмыслить их труд, поднимает этот труд до уровня творчества, учит в поле быть хорошей работницей, в доме — отличной хозяйкой, помогает воспитывать детей.

Вера УСТИНОВА

БЫТЬ ЕВРОПЕ КОНТИНЕНТОМ МИРА

«...АКТИВНО СОДЕЙСТВОВАТЬ УКРЕПЛЕНИЮ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, НАПОЛНИТЬ КОНКРЕТНЫМ СОДЕРЖАНИЕМ ИДЕИ СОТРУДНИЧЕСТВА ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ, ПОМОЧЬ ПРАКТИЧЕСКОМУ УРЕГУЛИРОВАНИЮ СУЩЕСТВУЮЩИХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПРОБЛЕМ».

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XV съезде профессиональных союзов СССР.

Брюссельская ассамблея общественных сил за безопасность и сотрудничество в Европе — это обмен мнениями различных кругов европейской общественности о путях достижения безопасности на континенте, о принципах и формах общеевропейского сотрудничества в области экономики, науки, техники, культуры.

Сам факт обсуждения этих проблем на ассамблее — важный шаг на пути их реализации.

Общественность стран Европы сознает, сколь велика ее ответственность за судьбы континента. На наших страницах выступают представители различных кругов европейской общественности и делятся своими мнениями по поводу роли общественности в движении за превращение Европы в континент мира и в этой связи о значении ассамблеи.

ЗРЕЛОСТЬ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

По мнению западногерманского историка Имануила **ГЕЙССА**, профессора Гамбургского университета, сейчас в Европе в первый раз за всю историю появился шанс сделать ее континентом мира и решить германскую проблему. После второй мировой войны, развязанной немецкими реваншистами, на развалинах третьего рейха возникли ФРГ и ГДР. На протяжении всего периода «холодной войны» правительство ФРГ боролось за «воссоединение» Германии, то есть за практическую аннексию ГДР, за восстановление Германии в границах 1937 года.

Сейчас, когда в политику Федеративной Республики Германии пришли новые люди, считающие, что с немецкой земли не должна исходить война, они приняли решение проводить новую линию, которая исключила бы применение силы. Свидетельством этого является заключение договоров с СССР и ПНР и соглашений с Германской Демократической Республикой. Прогрессивная общественность делает все для того, чтобы разоблачить и изолировать те элементы, которые упорствуют в своем сопротивлении политике разрядки. В этом я вижу одну из важнейших задач общественности как ФРГ, так и других стран, где еще сильно противодействие новому направлению в европейских делах.

Другой неотложной задачей общественных сил является, на мой взгляд, содействие развитию событий в духе сотрудничества и доброго соседства. Все мы призваны бороться за то, чтобы в Европе воцарилась честная, открытая атмосфера, способствующая взаимопониманию между народами и государствами. И в этой связи нельзя недооценивать роль брюссельской встречи, назначение которой — продемонстрировать зрелость европейского общественного мнения, его готовность к совместным действиям во имя общей цели — Европы, в которой при решении любого вопроса было бы исключено применение силы.

БОЛЬШОЕ ПОЛЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Профессор Йоран **БУНСДОРФ**, возглавляющий научный совет при Финском комитете за европейскую безопасность, считает, что вопросы территориального статус-кво на континенте, взаимовыгодного сотрудничества между Западом и Востоком, роли нейтральных стран, разоружения представляют собой большое поле деятельности ученых и политиков. Для претворения в жизнь идеи безопасности понадобятся годы усилий, в ходе которых роль общественности, и не в последнюю очередь общественности научной, будет постоянно возрастать. Общеизвестно, что мир в Европе — вопрос, касающийся не только правительств, но и народов.

Финский научный совет подготовил материалы для дискуссии на брюссельской ассамблее. Ученые проследили всю эволюцию вопроса европейской безопасности, разработали проблемы блоков, сотрудничества между странами СЭВ и «Общего рынка», культурного обмена и другие.

Большое внимание, которое общественность разных стран мира уделяет предстоящей встрече в Брюсселе, дает основание надеяться, что эта ассамблея поможет нам приблизиться к осуществлению общей цели — мирному сосуществованию и сотрудничеству.

ПОИСК

Именно так определил значение ассамблеи общественных сил Европы независимый социалист Витторио **ОРИЛЬЯ**, член парламента, секретарь Ассоциации итальянских общественных сил за европейскую безопасность, заявивший,

что итальянская делегация в Брюсселе очень представительная: в нее входят представители различных партий, всех профсоюзных молодежных и других общественных организаций страны.

Мы поддерживаем все инициативы, цель которых — поиски новых форм сотрудничества между народами. Я настаиваю на слове ПОИСК, ибо считаю, что контакты между общественностью различных стран должны развиваться в виде обмена мнениями о путях достижения коллективной безопасности.

Италия является членом НАТО, ее правительство проводит политику НАТО, но в нашей стране есть значительные прогрессивные силы, которые хотят изменить эту политику. Для координации их действий мы создали специальную организацию. Это не комитет, мы назвали ее форумом, чтобы придать нашей деятельности как можно более открытый характер и привлечь к проблемам европейской безопасности все общественные силы. Мы пытаемся воздействовать на политику нашего правительства, и думаю, что уже достигли некоторых результатов.

Установление сотрудничества и безопасности в Европе — это длительный процесс, который не может быть делом только правительств. Общественность должна вести параллельную работу для подготовки условий, необходимых для созыва общеевропейского совещания. Приняв за основу принципы, выдвинутые странами — участницами Варшавского Договора, определившие программу этого совещания: обеспечение европейской безопасности, отказ от применения силы, расширение сотрудничества,— мы должны думать о том, каким образом общественные силы, проявляя реализм и выдвигая встречные инициативы, могут помочь развитию экономических, торговых, научных и других контактов между Востоком и Западом Европы.

Брюссель. Фото Ю. ЯСНЕВА.

ПОВОРОТА К МИРУ МОЖНО ДОБИТЬСЯ

Пишет известный английский публицист Гордон **ШАФЕР**.

Англичане, как и народы других стран Европы, прекрасно видят все трудности, но они убеждены, что, используя нынешние возможности, можно добиться поворота к миру. Пока Федеративная Республика Германии открыто требовала возвращения довоенных территорий, отказывалась признать существование ГДР, в чем ее поддерживали другие государства НАТО, у предложений типа плана Рапацкого по созданию безъядерных зон и разрядке не было никакой надежды на успех. Коль скоро договоры в действии, препятствий к соглашению нет. Разоружение и сосуществование требуют политического соглашения.

НАШИ ПЕРСПЕКТИВЫ

Советский академик Тигран **ХАЧАТУРОВ** считает, что наличие в Европе стран с различным социальным устройством ни в коей мере не должно мешать их мирному сосуществованию, честным взаимным отношениям, обоюдовыгодному сотрудничеству. Встречи, которые состоялись в прошлом году между руководителями СССР и других стран, между представителями экономических кругов, выявили большие возможности для установления и развития взаимовыгодных отношений Советского Союза с государствами Западной Европы.

Возникает естественный вопрос: не пора ли покончить с тратой средств на вооружения или на первое время их решительно ограничить? Это создало бы возможность повысить жизненный уровень людей, увеличить занятость, улучшить здравоохранение, образование. Для того, чтобы приостановить или сократить военные расходы, необходима уверенность в безопасности стран и народов. А одним из путей к этому является развитие экономического, научного и культурного сотрудничества, увеличение внешней торговли, устранение барьеров, ликвидация дискриминации.

Один из главных показателей экономического сотрудничества между странами — развитие внешней торговли. За последние десять лет внешняя торговля СССР развивалась быстро. Тем не менее возможности ее дальнейшего роста еще далеко не исчерпаны. Помимо внешней торговли, весьма важным средством экономического сотрудничества являются оправдавшие себя участие и помощь в постройке крупных предприятий. Можно указать на успешное строительство в короткие сроки завода легковых автомобилей в советском городе Тольятти с участием итальянского концерна «ФИАТ». С другой стороны, Советский Союз поставляет оборудование, разрабатывает проекты, оказывает техническую помощь в сооружении многочисленных объектов за рубежом, в том числе крупных тепловых и гидроэлектростанций, металлургических заводов.

Еще более совершенная форма — научно-техническое сотрудничество, совместное решение сложнейших задач современной науки. Примеры таких совместных работ — исследования, проводимые Объединенным институтом ядерных исследований в Дубне, советско-французские исследования на пузырьковой камере «Мирабель», применение французских приборов на советском луноходе.

Подобное сотрудничество вполне возможно и с другими странами — в двустороннем и многостороннем порядке.

Кооперирование, предусмотренное комплексной программой СЭВ и социалистической экономической интеграцией, вполне может быть распространено и на другие страны, не участвующие в социалистической интеграции.

На территории Европы возможно решение крупных общеевропейских экономических программ. Я имею в виду создание высоковольтной электрической сети с использованием электростанций Советского Союза и других стран. Можно было бы говорить о создании сети газопроводов, о единой системе транспорта и связи.

Основополагающим принципом такого сотрудничества должна быть обоюдная выгода, обоюдная заинтересованность.

Европейские страны с высоким уровнем производства, блестящими научными кадрами располагают неограниченными возможностями для подъема экономического сотрудничества, развитие которого повысило бы благосостояние народов, благотворно отразилось бы на политическом климате, содействовало бы укреплению безопасности как на европейском континенте, так и во всем мире.

«Век XX и мир» — орган Советского комитета защиты мира специально для «Огонька»

ИЗМЕЛЬЧАНИЕ ГЕРОЯ

Юр. ЗУБКОВ

Уже шестое десятилетие наш театр, отражая дела и думы, духовный облик молодого современника, вдохновляет его страстной силой положительного примера свершений и подвигов во имя Родины... Молоды герои гражданской войны — треневский «братишка» Швандя и лавреневский Артем Годун; молоды герои мирных дней — афиногеновские инженер — «чудак» Борис Волгин и ученый—казах Кимбаев; молоды бесстрашный, скромный гусевский сапер Василий Мотыльков и врач Платон Кречет, с которым познакомил нас Александр Корнейчук... Молоды герои, на чью долю выпала защита Отечества: симоновский танкист, «парень из нашего города» Сергей Луконин; юноши и девушки из Краснодона, запечатленные Александром Фадеевым, леоновские Федор Таланов и Темников...

Снова и снова возникают образы героев, оказывая доброе влияние на идущие вслед за ними поколения... Подлинным открытием лучших черт давно знакомого облика явился Павел Корчагин, сыгранный Алексеем Локтевым в спектакле Бориса Равенских на сцене Московского театра имени А. С. Пушкина «Драматическая песня», поставленном по мотивам книги Николая Островского «Как закалялась сталь».

Словно об этих людях писал Вл. Маяковский: «Жизнь шажком стара́ нам»—и, осмысливая их опыт, призывал молодежь: «Через самую высочайшую высь махни атакующим валом».

Слова великого поэта являются девизом и современной советской молодежи; ей по плечу дерзновенные свершения времени...

Как же выглядит современный молодой человек в некоторых пьесах на сцене иных наших театров?.. Не потускнел ли его духовный облик?.. Не измельчились ли характер, дела и заботы, мысли и чувства?.. Задуматься об этом тем более важно, что молодежь сегодня — основной театральный зритель; ее взгляды, вкусы, мировоззрение формирует и театр.

Режиссер Г. Волчек поставила на сцене театра «Современник» пьесу эстонского драматурга Р. Каугвера «Свой остров» (перевод и сценическая редакция В. Розова).

Основная мысль пьесы заключена в названии. Среди бурного житейского моря каждому человеку надлежит искать «свой остров» в собственной душе. Вчерашние десятиклассники, провалившиеся на экзаменах в институт, подались в шахтеры — зарабатывать рабочий стаж. Сегодня жизнь их совершенно бездуховна: вино, девочки из парикмахерской, модные танцы, дешевые афоризмы — образчики скептицизма и безверия: «...есть ли на свете вообще что-нибудь, во что стоит верить?», «Мы все—вроде близнецы: двойники, тройники и пятерняшки», «Это раньше безумству храбрых пели песни. А теперь у нас порядок, дисциплина...» и т. п.

Этих ребят вроде бы пробуждает от духовной спячки инженер Рийпс — начальник экспериментального участка. Когда этот участок приказывают закрыть, они грудью встают на защиту Рийпса — бессребреника и энтузиаста. Но вот эксперимент удался, и... Рийпс бежит от успеха, боясь стать его «рабом». Он снова зовет ребят за собой: спасать «кусочек естества». Спасать самих себя, свои души... От кого же? От царящей кругом, по мнению автора, казенщины, рутины, бессмысленности...

Писатель и театр нарисовали одностороннюю картину жизни людей, словно бы на выжженной земле, где нет ни традиций, ни нравственных принципов, где одиночки, подобные Рийпсу, непонимаемы средой, гонимы ею...

Не раз случалось мне поддерживать тот или иной театр в «единоборстве» с автором, с пьесой, добиваться преодоления содержащихся в ней ложных мыслей, одностороннего, предвзятого изображения действительности. В данном случае этого преодоления не произошло. Режиссер и актеры, за исключением Т. Дегтяревой, ярко и глубоко сыгравшей несчастную девчонку Мари, оказались в плену мрачного колорита драматургического произведения. Да и разве в «единоборстве» с автором и пьесой главное содержание работы театра?.. Разве прежде всего не следует со всей остротой и откровенностью говорить о **выборе** пьесы, о принципах построения репертуара любым театральным коллективом?

Молодые рабочие населяют комедию В. Константинова и Б. Рацера «Вечером, после работы», поставленную С. Штейном в Театре имени Ленинского комсомола. Правда, здесь говорить о мрачном колорите пьесы и спектакля не приходится: зрительный зал часто смеется. Но над чем?! Над нелепостью, отсталостью, рваческими настроениями, бескультурьем молодых рабочих, выведенных автором и театром на сцену.

Не хотят «герои» идти в вечернюю школу, садиться за парту: «левые» заработки и постоянная «халтура» хорошо их кормят. И зачем учиться, рассуждают они, когда начальник цеха учился на десять лет дольше, а получает в месяц всего на двадцать «рэ» больше?! Кстати, мораль, отношение **этих** рабочих к труду вполне исчерпываются все тем же словом «халтура»... Что же такое халтура? Это когда ради незаконно заработанных денег делают все быстро и хорошо... Смешно?.. А может быть, пошло?.. Скорее, последнее!

Никто не в состоянии заставить учиться молодых «рабочих». Удается это только юной преподавательнице литературы Наталье Николаевне, и то отчасти благодаря ее приятной внешности, отчасти потому, что она напивается допьяна со своими будущими учениками, «забивает козла» с ними в общежитии.

Возможно, авторы комедии «Вечером, после работы» так же, как и автор пьесы «Свой остров», могут сказать, что они вовсе не претендовали на изображение типических черт современного рабочего человека, а вывели людей преимущественно отсталых... Но не смещается ли в этом случае общее представление о современном герое, молодом рабочем? Не искажается ли вольно или невольно самое соотношение сил в изображаемой на сцене рабочей среде?..

Кстати, в комедии Б. Рацера и В. Константинова возникает явная неувязка по существу дела: перед нами рабочие, самые что ни на есть отсталые, а цех-то, оказывается, передовой — планы выполняет и перевыполняет!.. Но те, кто хорошо работает, кто стоит в первом ряду, на сцене почему-то отсутствуют...

Надо думать, что пером авторов двигала благая мысль: показать, как вторжение искусства, прекрасного в жизнь людей преобразует их нравственный облик, весь духовный мир. Однако герои пьесы заняты лишь одним: они, по сути дела, играют в «поддавки» с «воспитывающей» их Натальей Николаевной...

К сожалению, и в данном случае снова приходится говорить о неудачном выборе театром пьесы, почти сплошь населенной людьми нелепыми, бездуховными... Да и актерам пьеса не открывает сколько-нибудь значительных возможностей для творческого поиска...

Так же не удалась, думается, в Театре имени Ленинского комсомола и пьеса И. Ольшанского «Музыка на одиннадцатом этаже» (режиссер В. Монахов).

Что же представляет собою главный персонаж пьесы — Костя, работающий в мастерской по заправке шариковых ручек?.. Бездельник, «филон», лишенный каких бы то ни было целей, интересов, идеалов... Автор и театр показывают неприглядность духовного облика «героя», его ограниченность, нравственное убожество, а вместе с тем пытаются заставить зрителя — вместе со студенткой Фитюлькой — искать в Косте несуществующие глубины, надеяться на его духовное преображение... Но откуда оно, это преображение, должно возникнуть?.. Многим ли Костя лучше Славика, так сказать, принципиального халтурщика, наглеца и циника?..

Конечно, драматург и театр вправе исследовать любой характер, любую человеческую душу. Но важно при этом ни на минуту не утрачивать свою собственную — активную и определенную — позицию, не терять чувство меры, не заставлять нас тщетно искать золото в породе, когда его там попросту нет...

В финале автор изумляет зрителей, совершая странную метаморфозу со своим героем. Преследуя пленившую его воображение девушку с косой и увидев, что девушка вошла в здание консерватории, Костя внезапно становится активным посетителем этого храма музыки... Встречает же избранницу своего сердца он лишь под самый занавес, и уже без косы, и тут только узнает, что и в консерватории-то она была в тот раз впервые: ее самое затащили туда чуть ли не силой. Образ «прекрасной дамы» рушится с пьедестала, а Костя, непонятно почему, снова яростно ищет «лишний билетик» в консерваторию...

Вероятно, стремясь раскрыть «истоки» Костиной бездуховности, драматург и театр рисуют отца Кости, кадрового рабочего, человеком ограниченным, а мать Кости — женщиной вздорной и пустой...

Разумеется, встречаются и в жизни такие типы... Но ведь встречается в жизни и многое другое. И не они, эти люди, определяют духовный облик современного рабочего класса!.. Не думать же об его ярком художественном выражении, успокаивать себя тем, что, дескать, выводя отрицательные типы, мы «лечим» общество,— значит оказываться в плену односторонности, а порой и предвзятости.

Стоит напомнить, что А. Н. Островский, даже рисуя картины «темного царства», обнаруживал не только кабаних и подхалюзиных, но и «лучи света»... Думая об этом, удивляешься нетребовательности некоторых театров в формировании репертуара...

Три спектакля... И все три показывают нашу молодежь, и прежде всего рабочую молодежь, односторонне: бескрылой, лишенной творческого огня в душе...

Заботиться о репертуаре, о его идейной и художественной чистоте обязан каждый из нас — все, кто заинтересован в развитии советского театра, в ярком выражении правды нашего времени, повышении роли искусства в патриотическом воспитании нашей молодежи.

Ц. СОЛОДАРЬ

НЕ ТАК ЛИ?

Рисунки В. ЧЕРНИКОВА.

Юмореска

Просмотр новых моделей прошел, как выражаются манекенщицы, сверхклассно.

Когда отгремели последние аплодисменты, Нина Степановна, чья бьющая в глаза молодость как-то не вязалась с солидной должностью старшей модельерши, ушла, счастливая и усталая, к себе в кабинет, вернее, кабинетик. Только включила она электрический кофейник, чтобы подкрепиться крепким чаем, на пороге появилась взволнованная толстушка.

Незнакомую посетительницу с одинаковым основанием — в зависимости от степени расположения к ней — можно было назвать и моложавой женщиной средних лет и рано состарившейся молодой женщиной.

— Вам сейчас, конечно, не до меня,— с места в карьер воинственно начала она.— Вы уже грезите о хвалебных заметках в газетах, о благодарных улыбках на голубом экране. Вы уже прикидываете, как бы удачней потратить премию за создание весенних моделей женской одежды с ярко выраженным спортивным уклоном да еще сочетающих в себе ультрасовременность и архиисторизм! Не так ли?.. Но вам придется выслушать меня. При-дет-ся!

Сначала Нину Степановну огорошил этот вызывающий тон. Но, не успев взорваться, она подметила, что запальчивость посетительницы была наносной, что перед ней кроткая и даже, может быть, застенчивая женщина, которая ценой больших усилий ведет разговор на столь резких нотах.

Разговора, впрочем, не было. Был только задиристый монолог нежданной гостьи, даже не заметившей, как Нина Степановна жестом предложила ей сесть в кресло. Так и не перешагнув порога, женщина продолжала:

— Для кого вы, позвольте спросить, моделируете ваши платья и костюмы? Для Юноны и прочих мифологических богинь красоты и грации? Или в вашем доме высшей категории считают, что прекраснейшая половина человечества состоит из одних чемпионок по художественной гимнастике и фигурному катанию?

Нина Степановна не ответила, а посетительница перешла в новое наступление, введя в бой огневые средства язвительности:

— Понимаю, понимаю... Вы адресуете свои модели счастливым обладательницам ваших... вашего... вашей, в общем, осиной талии, превосходящей среднеевропейский стандарт! Как же вы с высоты вашей блистательной стройности не замечаете вокруг себя женщин, которых природа одарила средними... средним... средней в целом полнотой? Меня ваш сегодняшний триумфальный просмотр только расстроил. И если вам угодно знать, возмутил. Вы не имеете права творить только для избранниц. Это антиобщественно! Нельзя отрываться от масс!

Нина Степановна попыталась вставить слово, но разгневанная посетительница властно пресекла эту попытку.

— По вашему взгляду я догадываюсь, какой совет вы великодушно собираетесь дать мне. Вы порекомендуете мне похудеть и срочно перейти для этого на длительную и строжайшую голодную диету. Не так ли? Заранее отвечаю: растительные диеты, а также творожные, а заодно и водные впору лишь тем, кто не работает. А я, к вашему сведению, четыре часа в день растолковываю старшеклассникам премудрости суффиксов, а вечерами просматриваю несколько десятков диктантов и домашних работ... И затем я прекрасно знаю, до чего доводят женщин эти модные диеты! Вот вам истинная история, ни слова выдумки — не то мне кто-то рассказал, не то я от кого-то слышала. У химички из соседней школы была приблизительно моя комплекция, пожалуй, даже плюс шесть-семь килограммов. И вот из четвертых рук она купила ослепительнейшее платье: привезли из Таиланда, но сшито в Кении, материал голландский или австрийский, зато выкройка английская или японская. Размер, правда, всего сорок восемь, рост два, хотя у химички — пятьдесят два дробь три. И все же она решила за полтора месяца до Нового года довести себя до годной под это платье кондиции. Довела! С помощью новейшей травяной диеты.

Платье на встречу Нового года надела, но за минуту до окончания старого года грохнулась в обморок. Врачи установили: на почве истощения. Я на такие высокие жертвы не способна. Но желаю одеваться, представьте себе, тоже по моде и к лицу. Однако, по-вашему, женщина моих... моего... моей, словом, конфигурации лишена такого права. Не так ли? Нет, не так! Я принципиально считаю, что и мы, без обиняков говоря, толстушки, должны одеваться столь же изящно, как и вы, фигурально говоря, душки. Все!

Словно исчерпав весь наличный запас колкостей и резкостей, учительница умолкла, тихо вздохнула и, робко присев на краешек кресла, умоляюще поглядела на Нину Степановну.

Старшая модельерша и учительница расстались только через час. Расстались в обстановке полного доброжелательства и взаимопонимания. Нина Степановна записала адрес милейшей Елены Петровны и дала ей торжественное слово, что Дом моделей к будущему сезону сделает практические выводы из ее вполне принципиальной критики.

...Прошел год. А может быть, промчался. Или даже пролетел. Снова пришла весна.

По специально адресованному приглашению Елена Петровна еще раз переступила порог кабинетика Нины Степановны. Нет, уже не кабинетика, а кабинета в полном смысле этого почтенного и внушительного слова.

И тут-то произошло то, что в драматургии принято называть коллизией, а в повседневном быту — камуфлетом. Женщины не узнали друг дружку. И не удивительно. Елену Петровну даже недоброжелательницы сейчас назвали бы, в общем, стройной, а про Нину Степановну даже испытаннейшие подруги могли, увы, сказать одно: в целом толстушка!

Когда взаимное неузнавание перешло наконец в теплую встречу, Нина Степановна стыдливо опустила глаза:

— Прошлогодний триумфальный просмотр стал для меня роковым — назначили художественным руководителем. Много сижу, мало двигаюсь. Вот и приобрела семь килограммов...

— А я потеряла восемь,— бойко ответила учительница.— Как видите, теперь я только сорок восемь дробь два.

— Дайте рецепт диеты,— с надеждой отозвалась Нина Степановна.

— С удовольствием. Но не рецепт, а книжку. И не про диету, а про бег. Который, знаете, для здоровья. Трусцой...— И мгновенно переключилась на более жгучую для нее тему: — Надеюсь, новые модели, которые вы сегодня покажете, имеют ярко выраженный спортивный уклон? И вам, конечно, удалось сочетать в них архисовременность и ультраисторизм? Не так ли?..

Я знаю, читателям не совсем по душе такие нравоучительные концовки. Но что поделаешь, ведь это не рассказ, а быль. Разве мог я отступить от того, что услышал из уст Нины Степановны, назначенной уже директором Дома моделей.

Да, чуть не забыл! Ведь она еще сказала мне, что бегает через день уже не восемь минут, а целых девять. И сбросила два с четвертью килограмма.

С КОЛЬЦОМ В НЕБЕ

Трудно сказать, скольким людям аисты принесли ощутимое счастье, но что они оказались счастливыми для науки о птицах, в этом нет сомнения. В 1899 году аисты первыми из птиц поднялись в небо с кольцами, на которых был выгравирован адрес Кристиана Мортенсена — преподавателя из датского города Виборга. С его легкой руки и вошел в науку метод кольцевания, позволивший разгадать уже многие тайны пернатых.

За прошедшие годы орнитологические «визитки» многих стран получили около 50 миллионов птиц.

В Советском Союзе застрельщиками кольцевания выступили юннаты. В 1924 году Биологическая станция юных натуралистов (БЮН) имени К. А. Тимирязева выпустила первых помеченных птиц. На кольцах была надпись «Москва, БЮН» и порядковый номер. Вскоре организовалось научное Бюро кольцевания — ныне Центр кольцевания Академии наук СССР.

Ежегодно алюминиевые кольца со словом «Москва» разносят по белу свету 200 тысяч птиц. А всего советские орнитологи окольцевали 2,5 миллиона пернатых. Судьба более 60 тысяч из них известна. В прошлом году к советским орнитологам вернулось около 4 тысяч колец. На территории Советского Союза в минувшем году встречены 1 200 птиц с кольцами 48 зарубежных стран.

— В нашей стране собрана огромная картотека о меченых птицах,— рассказывает заведующая Центром кольцевания АН СССР Маргарита Ивановна Лебедева.— Накопленные сведения помогли орнитологам установить основные трассы перелетов птиц, уточнить места их гнездовий и зимовок.

Выяснилось, например, что грачи, скворцы, дикие утки и некоторые другие птицы Русской равнины зимуют совсем не на юге, как полагали раньше, а на западе — в странах Европы. И что интересно: у каждого племени птиц свои пролетные пути и места жительства. Скажем, грачей из Подмосковья чаще всего встречают на зимовке во Франции, из Тамбовской области — в Венгрии, из Рязанской — в Чехословакии.

Белые аисты, каравайки, белые цапли, крачки, кулики проводят зиму в Центральной и Южной Африке. Утки, населяющие Западную Сибирь, слетаются на гнездовье из Западной Европы, Северной Африки, Ирана и Индии. Кулик-сорока спешит весной из Австралии в Якутию. Белые гуси и черные казарки возвращаются на остров Врангеля с тихоокеанского побережья США.

Кольца помогли разобраться в путешествиях деревенских ласточек. Оказалось, что в нашей стране обитают два разных племени касаток. Родина одного племени — земли от Днестра до Енисея, другого — Забайкалье и Дальний Восток. Первому предки «завещали» зимовье в Южной Африке, второму — в Юго-Восточной Азии.

Установлено, что во время миграций пернатые преодолевают огромные расстояния. Один из скворцов за сутки пролетел 1 200 километров — от Курской косы до Бельгии. Стрижи и ласточки без посадки за 10—12 часов перелетают Сахару. С Гавайских островов на Алеутские — путь через океан в 3 тысячи километров — пролетает весной, не отдыхая, птица из семейства куликов.

Грандиозные перелеты, как выяснилось недавно, совершают кулики-турухтаны. «Утром я шел на работу,— пишет Виталий Оленев из города Котласа, Архангельской области.— Вижу, впереди меня бежит птичка с перебитым крылом. Поймал ее и увидел на правой ножке кольцо с надписью «Музей Лондон С 35086».

Центр кольцевания АН СССР связался с Британским орнитологическим трестом. Оказалось, что этот кулик-турухтан был окольцован английскими орнитологами в Африке, на озере Чад. Другого кулика, улетевшего с тех же мест, обнаружили в Якутии.

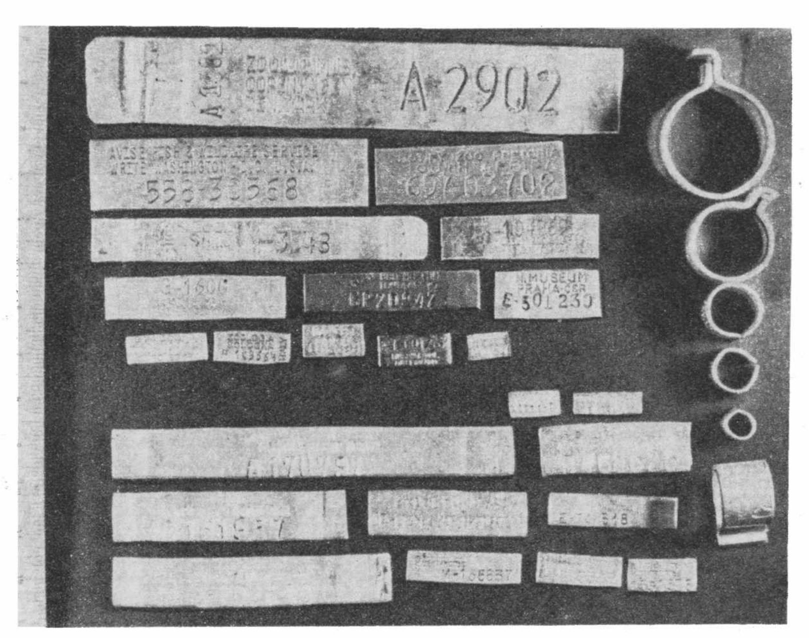
Рекорд дальности полета — 24 тысячи километров — остается пока за полярной крачкой. Из Мурманской области она залетела в Австралию. Случай исключительный. С Белого моря крачка летела вдоль западных берегов Европы и Африки, дальше путь ее лежал в Антарктиду. Но бушевавший в этом районе шторм сбил ее с курса, и она очутилась на пятом континенте.

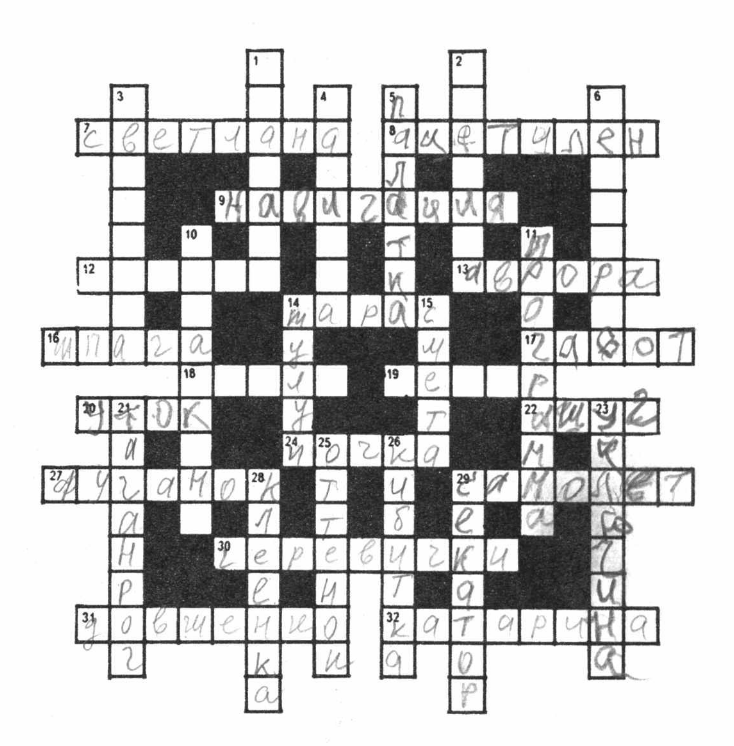
Сейчас на рекорд дальности полета претендуют альбатросы. Некоторые зарубежные ученые, исходя из данных кольцевания, полагают, что эти птицы облетают вокруг земного шара.

Кольцевание помогло уточнить продолжительность «птичьего века». Ласточки, мухоловки-пеструшки живут 8—9 лет, скворцы — до 12, утки-кряквы и озерные чайки — до 24, чернозобые гагары — до 27 лет.

К. БЕЛОВ, Д. СМИРНОВ

Эти «визитные карточки» принесли в нашу страну птицы с разных континентов.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Баллада В. А. Жуковского. 8. Газ, применяемый для сварки и резки металлов. 9. Сезон судоходства. 12. Столица Руанды. 13. Исторический крейсер. 14. Персонаж повести Б. Горбатова «Непокоренные». 16. Холодное оружие. 17. Старинный французский танец. 18. Денежная единица Камбоджи. 19. Нотный знак. 20. Поперечные нити ткани. 22. Поэт-певец и музыкант у кавказских народов. 24. Зачаток побега. 27. Столярный инструмент. 29. Летательный аппарат. 30. Опера П. И. Чайковского. 31. Советский кинорежиссер и кинодраматург. 32. Действующее лицо комедии Шекспира «Укрощение строптивой».

По вертикали: 1. Река в Грузии и Азербайджане. 2. Вид ивы. 3. Кормовой злак. 4. Рыба семейства карповых. 5. Легкое торговое помещение. 6. Автор памятника К. А. Тимирязеву в Москве. 10. Областной центр в Узбекистане. 11. План деятельности, работ. 14. Меховая шуба. 15. Исчисление предстоящих расходов и доходов. 21. Город в Ростовской области. 23. Опора для весла. 25. Разновидность цвета. 26. Крытая повозка. 28. Ткань, покрытая водонепроницаемой пленкой. 29. Садовые ножницы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По горизонтали: 4. Нахимов. 7. Пятница. 8. Автобус. 10. Констанца. 11. Славка. 13. «Ларчик». 15. Саранск. 19. Рулетка. 20. Фланель. 21. Теснина. 23. «Корсар». 25. Шадрин. 26. Аргентина. 27. «Айвенго». 29. Спутник. 30. Донегол.

По вертикали: 1. Прибаутка. 2. Сава. 3. Нота. 5. Гичка. 6. Отвал. 7. Перламутровка. 9. Семипалатинск. 12. Картина. 14. «Ариадна». 15. Старт. 16. Ребус. 17. Навои. 18. Кофта. 22. Нонпарель. 24. Раунд. 25. Шатун. 28. Озон. 29. Слон.

На первой странице обложки: Завод «Ростсельмаш». Комбайны на конвейере.

Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: Новый рыболовный траулер «XV съезд профсоюзов», построенный на Черноморском судостроительном заводе в городе Николаеве, перед выходом в дальнее плавание к рыбакам Камчатки.

Фото К. Дудченко.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52; 253-32-45.

Сдано в набор 15/V-72 г. А 00682. Подп. к печ. 30/V-72 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1143. Тираж 2 125 000 экз. Заказ № 2966.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Рисунок И. Сычева.

Рисунок А. Алешичева.

— В нагрузку к подвенечному платью у нас продаются фартуки...
Рисунок Ю. Малиновского.

Перед сдачей на права водителя.
— Дорогая, у меня круги перед глазами!
Рисунок В. Черникова.

— Я хотел сделать тебе сюрприз!

Рисунок Г. и В. Караваевых

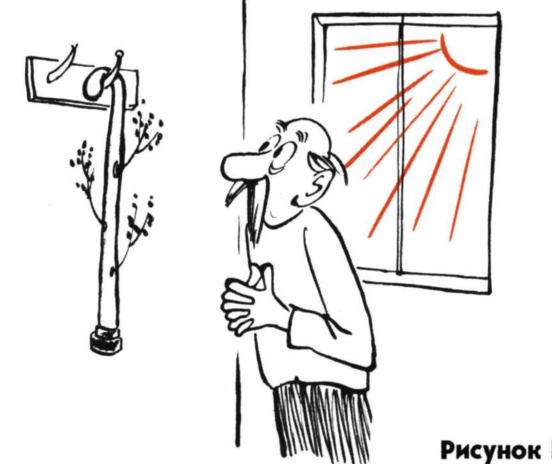

Рисунок Б. Боссарта.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663

